АКАДЕМИЯ МАГИИ

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

АКАДЕМИЯ ПРОКЛЯТИЙ

Урок шестой: КАК ОБЫГРАТЬ ПРИНЦА ХАОСА

Annotation

Никогда не соглашайтесь работать в Службе Безопасности Империи! Никогда! А если вашему темному лорду все же удастся соблазнить вас этой идеей, будьте готовы к тому, что придется ниточка за ниточкой распутывать шестой по счету заговор против императора, разыгрывать незабываемое представление в стенах Императорского банка с целью добычи информации, непременно присутствовать на свадьбе у гномов – ведь связи и правильную финансовую политику никто не отменял. Но самое главное – навестите вампиров, где вполне может выяснится, что по империи давно ходят слухи, будто ваш жених обручен с другой…

Елена Звездная
Академия Проклятий. Урок шестой: Как обыграть принца Хаоса

© Звездная Е., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

– Адептка Риате, – низкий чувственный голос лорда-директора словно наполнил весь кабинет, – если вы будете продолжать вот это загадочное молчание, я, пожалуй, прибегну к повторной переэкзаменовке.

Великий Риан Тьер, член ордена Бессмертных, Первый меч империи, магистр темной магии и Искусства Смерти, временный правитель Третьего королевства и по совместительству тот единственный, кто заставлял мое сердце то биться быстрее, то вовсе замирать, вот как сейчас, коварно улыбнулся.

– Нет у вас совести, лорд-директор, – была вынуждена признать я.

– Риате, у меня даже жены нет, – магистр развел руками. – Что уж говорить о совести?

– У меня мужа тоже нет, – резонно возразила адептка Академии Проклятий.

– Что возвращает нас к вопросу о твоем моральном облике, – наглая улыбочка и проникновенное: – И я готов выслушать ваше безоговорочное «да», госпожа Риате.

– Я вам уже трижды высказала мое безоговорочное «нет»! – вспылила я, подскочив со стула.

Когда с кресла с обманчивой медлительностью поднялся лорд-директор, я быстренько села обратно, но было поздно.

– Дэя, – обходя стол и приближаясь ко мне, протянул магистр, – ты *пойдешь* на этот бал.

– Не пойду, – насупившись, заявила я, скрестив руки на груди.

– В качестве моей невесты. – Риан остановился рядом со мной.

– Ни за что!

– И будешь представлена ко двору, как будущая леди Тьер.

– Нет!

Мне вдруг протянули руку. Удивленно смотрю на лорда-директора, тот с улыбкой вносит предложение:

– Поиграем в три безоговорочных «да»?

– Н-н-не хочется, – протянула я.

– Давай же, это просто игра. – Мне его обманчиво-честный тон не понравился совершенно.

И загадочный взгляд черных, чуть мерцающих глаз, в которых я, говоря откровенно, давно и безвозвратно утонула, но почему-то каждый раз ощущаю, что тону снова. И как-то само собой получилось, что я поднялась, после совсем без моего участия оказалась в объятиях лорда-директора, а вот в поцелуях мне свое участие отрицать было бы нечестно.

– Итак, смысл игры, – выдохнул Риан, практически не отрываясь от меня, – я

спрашиваю, ты отвечаешь. Правила ясны?

– Предельно, – слукавила, так как в моем положении рассуждать трезво было затруднительно.

– Вопрос первый, – нежный поцелуй, – ты меня любишь?

– Да, – выдохнула я, почти не задумываясь.

– Вопрос второй, – еще один умопомрачительно нежный поцелуй, – ты будешь рядом со мной всегда?

– Да. – Как хорошо, что он меня держит, потому что ноги стоять отказываются.

– В том числе и на императорском балу?

Я бы сказала «нет», но мне просто не дали такой возможности, а когда остановились, на «нет» оказалась уже не способна.

– И, – теперь в прикосновениях Риана было значительно больше страсти, чем нежности, – все узнают, что у меня, наконец, есть невеста, да, Дэя?

– Да, – простонала я, обвивая руками его шею.

– Какая у меня послушная невеста, – прошептал довольный полученными ответами магистр Темного Искусства.

– Какой у меня настойчивый жених, – не сдержалась я.

– Какой есть, других не будет, – «утешили» меня.

Смотрю в его черные глаза, на черты аристократического лица, взгляд замирает на четко очерченных губах лорда-директора, и я чувствую, как сердце начинает биться быстрее. И была я льдом окована, а теперь и зачарована, и заколдована лордом Рианом Тьером.

– И мне интересно, – чуть отстранившись, но продолжая обнимать его, начала я, – ты вот это имел в виду, говоря: «И когда единственной ценностью для тебя останусь я, мы поговорим о жизненных приоритетах»?

Загадочная улыбка, коварный блеск в глазах и уклончивое:

– Не совсем.

– Да? – Так любопытно стало. – А что же тогда?

– Мм-м…

Риан подхватил меня на руки, отнес к окну, усадил на подоконник и, наклонившись к моим губам, прошептал:

– Леди Митас в секретарской?

– Д-д-да… кажется. – Кажется, мне и это уже не важно, что совсем не радует.

– Тогда не покажу, – нагло сообщил он.

Я улыбнулась, протянув ладонь, прикоснулась к его щеке, Риан улыбнулся в ответ… Иногда появляется ощущение, что за спиной вырастут крылья и я просто взлечу в небо от счастья. Невероятного, огромного, переполняющего мое сердце счастья…

– Будешь на меня так смотреть – я растаю, – предупредил магистр.

– Или сгоришь? – предположила я.

– Опасение сгореть возникает каждый раз, когда ты со стоном произносишь мое имя, – прошептал Риан, – а вот когда так восторженно-восхищенно на меня смотришь, я всерьез опасаюсь растаять.

– Не могу смотреть на тебя иначе, – честно созналась я. – Чем больше я узнаю о тебе, тем больше восхищаюсь и…

– Тогда мы в равном положении. – Комплиментов в свой адрес Риан не переносил даже от меня. – Так что у нас с балом?

Утреннее весеннее солнце заливало кабинет лорда-директора ярким светом, через открытое окно слышалось пение птиц, шелест стремительно зазеленевших ветвей, и доносился аромат цветущих аллей Ардама. Весна – мое любимое время года. И магистр Тьер в черном строгом костюме, с собранными волосами и загадочной улыбкой – мой самый любимый мужчина во всех мирах.

– По поводу бала ты уже добился от меня безоговорочного «да», – напомнила я, застегивая ворот ученической формы.

– Добился, – не стал отрицать Риан, – и с одной стороны мне бесконечно нравится сама мысль, что мои поцелуи сводят тебя с ума, но с другой… Ты действительно нужна мне там, родная.

– Правда? – Как же приятно это слышать.

– Дэя, – нежный поцелуй, – в ином случае значительно спокойнее было бы оставить тебя в академии, она неприступна. Но, учитывая результаты допроса Алитерры…

Он не стал продолжать фразу, но лицо магистра вмиг потемнело, взгляд он отвел. Для темного лорда предательство кого-либо из второго круга – это всегда удар.

– Все будет хорошо, – прошептала я.

– У нас с тобой – даже не сомневаюсь, – тихий ответ и нервное: – Но хотелось бы знать, сколько еще жизней принесет в жертву эта развеселая компания из проклятийника, морской ведьмы и одного темного лорда как минимум. А как максимум я подозреваю не менее двух десятков участников.

Что тут можно было сказать, я не знала. И потому, потянувшись, просто обняла любимого.

В дверь постучали, раздался осторожный голос леди Митас:

– Лорд-директор, тут к вам…

Я мгновенно спрыгнула с окна, Риан оправил мою одежду и вернулся за стол, чтобы громко произнести:

– Входите. Риате, вы свободны.

Я проскользнула в дверь, миновав леди Митас, окинувшую меня подозрительным взглядом, и чуть не врезалась в высокого, широкоплечего мужчину с золотыми волосами до плеч. Эти волосы, широкий подбородок да черный костюм – все, что я увидела, так как рассматривать посетителя лорда-директора не было никакого желания.

– Простите, – извинилась, не глядя.

И хотела обойти, но мне неожиданно заступили дорогу и тихим, очень странным, чуть вибрирующим голосом загадочно протянули:

– Вы меня не узнаете?

Я вскинула голову, удивленно разглядывая его лицо. Особенно смутно-знакомыми показались черные, чуть мерцающие глаза, и все же.

– Простите, мы знакомы? – осторожно спросила я.

Мужчина улыбнулся, и я невольно улыбнулась в ответ, сразу подумав: «Инкуб». И вспыхнула картинка из воспоминаний – этот самый мужчина, лежащий в постели и единственный из всех Бессмертных снявший маску из непроницаемой тьмы.

– Узнали, – догадался. – Я очень рад вновь видеть вас, милая и скромная невеста лорда Тьера.

Леди Митас грохнулась в обморок.

– Вот… Бездна! – выругалась я, уже предчувствуя разгул сплетен по академии.

Леди Митас поднял подошедший Риан и, несмотря на массивные формы секретаря, донес ее до диванчика у стены, уложил, скомандовал мне:

– Воды.

И вот пока я наливала из графина в стакан, между двумя Бессмертными состоялся странный разговор.

– Сахэ нкаавраэ? – произнес Риан.

– Доэ эсшаа, – ответил инкуб и пересек комнату.

Дальнейшее заставило меня выронить стакан на пол! Потому что едва светловолосый подошел к магистру, правая рука его начала издавать странное фиолетово-голубое свечение. Риан протянул навстречу ему левую руку… ладонь инкуба накрыла руку магистра… Свет медленно перетек из одного Бессмертного в другого…

Когда инкуб отошел, лорд-директор некоторое время еще стоял, закрыв глаза и не двигаясь, затем прозвучало его глухое:

– Эна эрда.

И он распахнул ярко-синие глаза. А потом медленно и неотвратимо их заполнила тьма… Я наклонилась, подняла упавший стакан, вновь налила воды и залпом все выпила. Заметивший мою реакцию инкуб весело спросил:

– Впервые видите передачу информации между членами нашего ордена?

Кивнув, я сказала:

– И язык, на котором вы общаетесь, тоже слышу впервые.

Бессмертный понимающе улыбнулся, я улыбнулась в ответ, хотя старалась сдержаться. Инкубы есть инкубы. И тут вдруг вспомнились мне те два слова, которые я не знала, вопрос Эллохара, который тогда меня впервые увидел и кинжалами бросался: «Кьехаата?» И ответ магистра: «Агхеэра».

– Простите, – кинула взгляд на Риана, поняла, что он в данный момент видит что-то далекое от реальности, и все же решилась: – А вы не знаете, как переводится слово «Кьехаата»?

Инкуб удивленно вскинул бровь, но честно перевел:

– Любовница.

Ну теперь я точно знала, что тогда лорд Эллохар спросил!

– А «Агхеэра»? – и дыхание задержала в ожидании ответа.

Очередная умопомрачительная улыбка инкуба и:

– Любимая.

Я улыбнулась. Не инкубу, нет, я с улыбкой смотрела на лорда Риана Тьера, и едва взгляд его стал осмысленным, тихо сказала:

– Люблю тебя.

Некоторое недоумение отразилось на лице магистра, а я добавила:

– Сильно-сильно.

– Рродная? – Риан явно не понимал моего поведения.

Инкуб, возможно, понимал, но я на него даже не смотрела, впрочем, лорд-директор тоже.

– И мое безоговорочное «да» на все твои вопросы и предложения, – сдалась я на милость победителя, после чего, налив воды в стакан, отнесла его магистру.

– Ты меня пугаешь, – признался Риан, забирая способ пробуждения леди Митас из моих рук.

– А ты меня восхищаешь, – прошептала я и, приподнявшись на носочках, нежно поцеловала его.

Нежно, но быстро, после чего развернулась и направилась к выходу, бросив на ходу магистру:

– Я на лекцию. – А инкубу: – Всего вам темного.

– И вам кошмарного, – отозвался Бессмертный.

Риан ничего не произнес, видимо, все еще приходил в себя.

* * *

Большая аудитория в подземелье, в лаборатории по Смертельным Проклятиям. Тишина такая, что слышно, как дышит сидящая рядом со мной Янка – мы все перерисовываем с доски схему проклятия «Дыхание Смерти». И вдруг в этом абсолютном безмолвии раздается восторженный вопль:

– Нет, ну ты это видела?!

Лаборанты издали тяжелый вздох, адепты четвертого курса в очередной раз посмотрели на возбужденного Тесме, на меня и вновь вернулись к работе.

– Не отдам, – напоминаю профессору на всякий случай.

Магистр недовольно засопел, вновь погружаясь в изучение древних рун, чтобы спустя всего минут десять вновь заорать:

– Нет, Риате, ну ты это видела?!

Видела, конечно, я над книгой морских ведьм две ночи просидела, большинство рун с указанием их точного значения переписала в тетрадь, просто чтобы не только на свою память полагаться, а вот ту часть, что имела графическое сходство со схематическим изображением проклятий, не просто перерисовала – разобрала на составляющие. Я бы и третью ночь просидела над ней, но Риан пригрозил спалить дар морских ведьм к Бездне, если я буду продолжать не высыпаться.

– Это… это… – Тесме подскочил и убежал.

Вернулся вскоре со своим запрещенным для нас талмудом, и четвертый курс Академии Проклятий был профессором совершенно забыт.

– Итак, – проговорил лорд Нуэр, старший лаборант кафедры, уже достаточно хорошо знавший магистра, чтобы понимать – в дальнейшем ходе лекции он участвовать не будет, – записываем следующее проклятие, адепты.

Доска была вытерта, в наших тетрадях под схемой подведена черта, и мы приступили к изучению второго проклятия за лекцию.

– Проклятие седьмого уровня «Свет», – продиктовал Нуэр.

Мы послушно записали, хотя название откровенно удивило.

– Проклятие слепоты, – продолжил старший лаборант. – Непременное условие наложения – абсолютная тьма. Нарушение данного условия приводит к необратимым последствиям для проклинающего – абсолютный откат.

Это было неожиданно – абсолютный откат давала всего пара десятков проклятий, обычно относящихся к девятому уровню.

– Особенность – не оставляет следов в воде, однако хрусталик зрачка проклятого в первые три часа хранит информацию. Запоминаем схему.

Лорд начал уверенно вычерчивать символы вливания энергетического потока, после перешел непосредственно к схеме кристаллов, мы молча переписывали и перечерчивали. И так до конца занятия, а едва лекция завершилась, раздался встревоженный голос Тесме:

– Риате, задержись.

Янка, собирающая тетради, искоса на меня взглянула, но промолчала. Дакене и вовсе прошла, демонстративно задев мое плечо, зато наш полуорк не стал отмалчиваться и спросил напрямую:

– Дэя, что это за книга такая?

– Юрао при обыске дома одной нечисти отыскал, – не моргнув, соврала я.

– Госпожа частный следователь, – издевательски протянула Ригра, которая все же не ушла, – да-да, искренне верим.

Вступилась за меня неожиданно Яна:

– В «ДэЮре», кстати, требуется секретарь, я расчет на прошлой неделе получила, так что иди, Дакене, потрудись хоть раз в жизни.

И вот никак я не ожидала, что Ригра с какой-то затаенной надеждой на меня посмотрит. Но по сути, в предложении Тимянны что-то было.

– У нас за набор персонала Юрао отвечает, – честно призналась я. – Однако за последнее время от нас по личным причинам, а именно – «влюбилась в другого», ушла одна секретарь, – я укоризненно посмотрела на Яну, – и скорее всего, Риая тоже вскоре уйдет по причине «мне нужно срочно готовиться к свадьбе!».

Тимянна загадочно улыбнулась и вопросила:

– Окено?

Я, естественно, промолчала, потому что не имею никакого права делиться подробностями чужой личной жизни. Но Янка, как выяснилось, обо всем догадывалась:

– Ри всегда его записки сначала рвала, а потом трепетно склеивала и много раз перечитывала. Рада за нее.

А я опять же скромно улыбаюсь.

– Риате! – оклик Тесме заставил всех поторопиться.

Когда я подошла к магистру, адепты уже покинули аудиторию, а лаборанты в темно-бардовых мантиях оставались ровно до рыка магистра:

– Вон!

Рык напугал не только меня, лорд Нуэр вовсе застыл, остальные пороняли то, что держали в руках.

– Вон, я сказал! – повторно заорал Тесме.

У меня появилось желание сбежать вместе со всеми, но пришлось стоять, слыша, как торопливо покидают подземную аудиторию потрясенные событиями лаборанты. Дальше было веселее:

– Дара!

Воздух над нами замерцал, сама возрожденный дух смерти появилась спустя минуту и выглядела не лучшим образом – боевая трансформация у нее жуткая.

– Не пугайся, просто в ином состоянии усиление защитных чар академии невозможно, – это было мне, а затем магистру: – Я вас слушаю.

Неожиданно для нас обеих Тесме сгорбился, как-то постарел разом, и мы услышали невероятный, по сути, вопрос:

– Дара, сколько раз за прошедший месяц я… покидал Академию Проклятий?

Возрожденная закрыла глаза, вспыхнула красно-фиолетовым сиянием и зависла в воздухе. Через несколько долгих минут безэмоционально произнесла:

– Восемь раз.

С глухим стоном Тесме закрыл лицо руками и произнес:

– Я помню только семь…

Мы в полнейшем изумлении смотрели на магистра, а он развернул книгу, пододвинул ближе к нам и указал на запись, сделанную на полях.

Запись, сделанную его рукой!

Почерк Тесме не узнать было невозможно! И чернила… чернила были нечеткими, размытыми, то есть пометка была создана не ранее месяца назад.

– Во имя Бездны! – пробормотала Дара. – Я к господину!

Она исчезла. А мы остались – я и растерянный, раздавленный осознанием магистр Тесме.

– Я был уверен, что вижу эту книгу впервые, – пробормотал преподаватель. – И какое же это было открытие – руны! Древние! Я искал достойный сборник лет двадцать, с тех пор как столкнулся однажды с руническим символом… И сегодня ты приносишь мне это! Восторг, нетерпение, жажда новых знаний – непередаваемые ощущения. А потом я открываю раздел отглагольных и вдруг понимаю, что я их уже видел… – магистр судорожно вздохнул. – Сначала только ощущение, чувство, затем… У меня дурацкая привычка ногтем подчеркивать важные с моей точки зрения предложения…

Он придвинул книгу к себе, отлистал назад несколько страниц и указал на едва заметные борозды. Перевожу взгляд с Тесме на книгу. Я этого не увидела, слишком была занята расшифровкой ритуала и поиском рун, подходящих к сохранившейся в памяти схеме.

– Я не понимаю, – простонал Тесме, – и мне страшно осознавать, что я… Слишком много знаний, Дэя, слишком много возможностей… Мне страшно представить, что я мог иметь отношение к той… формуле катализатора.

Что ж, я постаралась утешить, как могла:

– Не ваш стиль, магистр Тесме.

Преподаватель недоуменно посмотрел на меня. Пришлось пояснить:

– Формула проста и, в принципе, общедоступна, а вы всегда придерживались усложнения материала, в первую очередь для его защиты от неподготовленных или случайных личностей.

Тесме задумался, кивнул и вновь вернулся к книге. Листал он ее осторожно, с ожиданием чего-то плохого просматривая каждую страницу. Я подошла и теперь стояла над его плечом, тоже разглядывая книгу.

– Итак, – судорожный вздох, – допустим, я был похищен. Где, говоришь, офицер Найтес обнаружил данную книгу?

И я была вынуждена сообщить правду, которую до этого не озвучивала даже профессору:

– Листар.

У Тесме заметно задрожали руки, и в ужасе глянув на меня, он переспросил:

– Остров морских ведьм?

Молча кивнула. Выражение лица магистра описать было сложно – ужас, неверие, осознание, откровенный страх. Страх и Вилиам Тесме ранее казались мне несовместимыми – а сейчас я вдруг поняла, что магистр уже немолод и действительно крайне напуган.

Взревело алое пламя. И почти мгновенно вспыхнуло и ярко-синее. Да, появления лорда

Эллохара я никак не ожидала. Зато магистр был явно рад видеть меня, и первое, что я услышала, едва он спешно вышел из огня, было:

– Дэя, дорогая, Эа передает тебе пламенный привет.

– Темных вам, лорд Эллохар, – смущенно ответила я, не отрывая взгляда от алого пламени.

Риан появился с задержкой и слов магистра не слышал. Лорд-директор взглянул на меня и сказал магистру Смерти:

– Проверь.

– Ты настаиваешь на стертой памяти? – ехидный тон лорда Эллохара мне не понравился.

– Тесме лишен магии, но не знаний, манипулировать им не могли, это тебе не гном, – резковато ответил лорд-директор. – Единственный вариант: «Рука смерти», двенадцатый уровень.

Неодобрительно покачав головой, глава Школы Искусства Смерти неторопливо и как-то даже издевательски направился к магистру Тесме, который почему-то смотрел не на него, а на Риана. Лорду-директору и сказал тихое:

– Спасибо.

– За что? – тон лорда Тьера казался ледяным.

– Вы ни на мгновение не усомнились в моей преданности, – глухо ответил Тесме, сглотнул и добавил: – Я сам в себе усомнился, а вы нет. Это очень много значит для меня.

– Вы достойны моего доверия, – с легким кивком произнес магистр, и уже лорду Эллохару: – Время. Меня ждут.

Директор Школы Искусства Смерти развел руками и издевательски уведомил:

– Не задерживаю.

Взгляд Риана на друга, несколько недовольный взгляд, затем на меня, вопросительный. Я улыбнулась в ответ и сказала:

– Уже убегаю на пару к леди Орис.

Вспыхнуло адово пламя.

Видимо, действительно ждали, и действительно срочно. Интересно, что за информацию передал тот Бессмертный Риану? Очень хотелось бы узнать.

– Ну, всего кошмарного, – сказала я, направляясь к своей парте, чтобы забрать вещи. Перерыв уже должен был завершиться, за ним по расписанию следовала лекция по Любовным проклятиям.

Но стоило мне подхватить тетрадь и учебники, как прозвучало тихое:

– Останься.

Я так и замерла, просто не желая верить в то, что услышала. Но дальше магистр Смерти произнес еще и:

– Пожалуйста…

И просьба была не столько в словах – в голосе, в интонации и даже в недосказанности. Медленно обернулась. Эллохар стоял за спиной все так же сидящего Тесме и смотрел на меня…

– Я действительно опоздаю на лекцию, магистр Эллохар, – начала я.

А он продолжал смотреть. Просьбы во взгляде больше не было, была тоска, и боль, и какое-то отчаяние. И вот знаю, что потом пожалею об этом, но если быть откровенной, Эллохар ни разу мне не отказывал, так имею ли я право на отказ?!

– Несколько минут у меня есть, – пробормотала я и, обнимая стопку учебников с тетрадями, подошла ближе к преподавательскому столу, оставшись на уровне первой парты.

Не знаю, как отреагировал лорд, я не смотрела на него, а почему-то упорно разглядывала пол под ногами, пока неяркий свет не привлек мое внимание. Вскинув голову, увидела, как лорд Эллохар сверкающей ладонью касается виска закрывшего глаза и напряженного Тесме. Вспомнила собственные ощущения от подобного, неприятный холодок прошелся по спине. Некоторое время в аудитории царила тишина, а Тесме все сильнее сжимал зубы, чтобы не застонать.

Затем магистр Эллохар произнес:

– Тьер прав, вам стирали память. Один раз, достаточно грубо, стык реальности заметен. Как рубец. Очень грубо. Сейчас у нас два варианта – я могу оставить как есть, и неприятные ощущения прекратятся, могу восстановить утраченные воспоминания…

– Восстанавливайте, – прошипел Тесме.

Усмешка, и с налетом превосходства:

– Мне импонирует ваше желание контролировать собственную память, но должен предупредить – процессу восстановления сопутствует невыносимая боль, это первое. И второе – на вашем месте я не стал бы стремиться к обретению данных конкретных воспоминаний. Ничего приятного в них нет, магистр, поверьте.

Но даже я знала, что Тесме скажет:

– Восстанавливайте!

Лорд Эллохар устало покачал головой, затем все так же с издевательскими интонациями произнес:

– Когда насладитесь всей гаммой чувства вины, так и быть, я отвечу на призыв Дары и сотру вашу память заново. Сейчас возьмите тетрадь и сожмите ее зубами.

– Я сдержусь, – прорычал магистр.

– Или вы сделаете, как я сказал, или я вас оставлю, – выдвинул ультиматум лорд Эллохар.

Тесме схватил толстую тетрадь, ожесточенно прикусил ее зубами, сжал кулаки… и приготовился. Было видно, как дрожит от напряжения его тело, как стекают капли пота со лба. Магистр Смерти усмехнулся, закрыл глаза и сжал голову профессора. Почти сразу Тесме зарычал, так отчаянно, так жутко, и дернулся. А потом начал вырываться с такой силой, что казалось, Эллохар его не удержит, но лорд, грустно улыбаясь, продолжал восстановление памяти… Минута за минутой… Я стояла, застыв в странном оцепенении, боясь даже пошевелиться и искренне жалея, что не ушла.

И вдруг Тесме закричал, сквозь стиснутые зубы крик получился глухим, но оттого еще более жутким, и он был последним… Эллохар разжал руки, и магистр повалился на стол, сотрясаясь словно от разрывающих его рыданий. Он выплюнул тетрадь, а после сжал руками кулак и замычал – глухо, страшно, отчаянно…

– О, Бездна, – простонала я, едва сдерживая слезы.

Лорд Эллохар услышал, печально посмотрел на меня, затем, положив руку на плечо мычащего от осознания чего-то ужасного Тесме, негромко, но убежденно произнес:

– Я последний, кто вас осудит, магистр. Приз оказался слишком значим для лишенного магии, и на вашем месте так поступил бы практически каждый.

Не знаю, что имел в виду лорд Эллохар, но Тесме это не утешило.

– Как я мог? – простонал преподаватель. – Как я мог…

И я все поняла! Сагдарат – проклятие, о котором не пишут в учебниках, но о котором знал магистр! О Бездна!

– Как я мог… – Стон, полный отчаяния. Тесме, похоже, сам себя простить был не в силах.

Эллохар посмотрел на меня, затем вновь на магистра, тяжело вздохнул и небрежно постучал того по плечу. Когда раздавленный осознанием преподаватель обернулся, лорд чуть наклонился и проникновенно-доверительно прошептал:

– Слушай, мужик, давай откровенно – раскаяние и самокопание не в духе темных, не позорь империю, это раз. Ну убил ты ведьму, ну да, косяк, и что теперь? Можешь упиваться осознанием собственной вины, можешь вернуться и отработать. У них с численностью напряг значительный, и сильному здоровому типу мужского пола всегда рады. Так что прекращай истерить, смотреть противно. Сделал гадость, будь мужиком, исправляй последствия.

После данной тирады Тесме так и застыл, потрясенно глядя на Эллохара, тот потрепал его по плечу и добавил:

– Все, намотал сопли на кулак и взял себя в руки. И давай то проклятие, что для косого разрабатывал, оформи мне на бумаге, сестричке покажу, спрошу профессионального ведьминского мнения. Через час зайду.

И директор Школы Искусства Смерти преспокойно направился ко мне и подтолкнул к выходу. И главное, я пошла, даже без возражений, на них никаких сил просто не осталось.

* * *

Мы так и вышли – я впереди, лорд Эллохар на шаг позади меня. Но едва магистр закрыл дверь в лабораторию, обогнал, вынудив остановиться, прикоснулся к подбородку, заставляя посмотреть на себя, и как только наши взгляды встретились, тихо произнес:

– Спасибо.

Я, пожав плечами, отступила на шаг, отвела взгляд. Мы постояли так некоторое время, затем Эллохар вдруг спросил:

– Как ты сумела договориться с Эа?

– Вы хороший учитель, – не глядя на него, ответила я.

И снова неловкая, тяжелая, гнетущая тишина.

И совсем неожиданное:

– Прости меня…

– За что? – прижимая книги сильнее, спросила я.

– За мое поведение в таверне Хаоса. За то, что испугал тебя. Прости, я не хотел.

Я смущенно посмотрела на магистра, он ответил мне грустной улыбкой, а в глазах… звериная тоска. И вот что мне сейчас делать? Я ведь и повода никогда не давала, и откровенно призналась, что люблю другого, и… и я действительно ни в чем не виновата перед директором школы Искусства Смерти, но тяжело так, что дышать больно.

– Магистр Эллохар, – я судорожно вздохнула, не зная, как тактичнее об этом сказать, – я на вас не сержусь, не обижаюсь и зла не держу. В конце концов, несмотря на любые слова, ваши поступки говорят о том, что вы были, есть и остаетесь другом лорду Тьеру, а это для меня искупает любые ваши высказывания… – подумала, вспомнила, как он умеет цепляться

к каждому слову, и поспешно добавила: – В прошлом. И очень приятно, что вы сочли нужным попросить прощения за тот… инцидент, но сейчас мне действительно нужно идти…

И вот ищешь нужные слова, стараешься ничем не задеть и не причинить боль, а в результате тебя на полуслове прерывают невероятным:

– Пообедай со мной.

Я в некотором замешательстве взглянула на лорда Эллохара, он улыбнулся и добавил:

– Ничего предосудительного, Дэя. К тому же Тьер вряд ли освободится ранее полуночи, и…

– Магистр, – на этот раз я набралась наглости и решила все же высказаться, – речь шла о прошлых инцидентах! Что касается настоящего и будущего – вынуждена напомнить, я невеста вашего лучшего друга и намерена ею оставаться.

– Дэя… – Его глаза почему-то сузились от ярости.

– Магистр Эллохар, – повторно перебила собеседника, – я вас очень уважаю, – и почему-то добавила: – Несмотря на весь ваш вредный характер… – запнулась, поняв, что сказала, но все же уверенно завершила фразу: – И мне бы очень хотелось сохранить уважительные отношения с тем, кого ценит мой будущий супруг.

Лорд Эллохар промолчал.

Я, воспользовавшись этим, бодро сказала:

– Всего вам кошмарного, – и обойдя магистра, почти побежала вверх по ворчливой лестнице.

Последняя, к слову, молчала, даже когда я нечаянно стукнулась о ступеньку. И я ни разу не обернулась, хотя чувствовала, что взгляд лорда Эллохара прожигает спину. Все равно не оглянулась.

* * *

Но вот стоило мне выйти из подземелья в холл, как на пути материализовалась Дара. Судя по пустым коридорам и собственно первому этажу учебного корпуса, лекция уже началась, так что я ожидала очередного выговора, но вместо этого возрожденная мрачно вопросила:

– И когда ты собираешься рассказать Тьеру о домогательствах…? – Она не стала уточнять кого именно, и так все было ясно.

Резко выдохнув, так как пробежка была стремительной и теперь имелась необходимость отдышаться, я честно созналась:

– Никогда.

Дара укоризненно головой покачала, затем прошептала:

– Он так на тебя смотрел, Дэя… нехороший взгляд.

Прислонившись спиной к двери, я простонала:

– Дара, я не хочу говорить Риану, и я не могу ему об этом сказать. Лорд Эллохар знает о моих чувствах, и я не скрывала, что у него нет и шанса на взаимность… и…

– Взаимность? – переспросила возрожденная и насмешливо добавила: – Дэя, очнись, взаимность, как и совесть, во всей Темной империи интересует исключительно моего господина, он же твой директор. На этом – все. Лорды не интересуются взаимностью тех,

кто привлек их внимание, особенно если речь идет о слабой чистокровной человечке, у которой нет сил дать достойный отпор. Выкрасть, запереть, сделать собственностью – так поступают темные.

Мне вдруг вспомнился разговор между Эллохаром и Тьером-старшим, что ж, отец Риана так и поступил, и взаимность его в тот момент не интересовала.

– Я поговорю с ним сама, – вдруг предложила Дара, – покажу твой разговор с этим белобрысым ошметком Хаоса.

А я вспомнила слова Эллохара, сказанные в пустыне, и уверенно сказала:

– Не нужно. Правда. От этого будет больно Риану и соответственно мне. А магистр Эллохар… он должен понимать, что у него нет шансов, и он это поймет.

– Да уж, – протянула дух смерти, – у вас с Тьером все только налаживаться стало.

И я невольно улыбнулась.

Это была радостная улыбка, и меня вновь охватило состояние счастья, в котором совершенно не было места грусти или тревогам.

– Беги на па́ру, влюбленная, – проворчала Дара. – Не буду я ему ничего говорить, надеюсь… хотя о какой надежде речь в моем состоянии, но надеюсь, что на этом домогательства Эллохара и прекратятся. На место ты его красиво поставила.

Говоря откровенно, Дару я практически не слышала, вспоминая Риана и его слова: «Будешь на меня так смотреть – я растаю». И просто махнув рукой, убежала на Любовные проклятия.

* * *

День прошел быстро – я училась и наверстывала пропущенное, готовясь к вечернему забегу в контору, и как-то совсем упустила из вида одну большую проблему под названием «Свадьба».

Но это я забыла – офицер Найтес не забывал ничего. Ровно в семь часов, как только пары с леди Нектум подошли к концу, в аудиторию важно вошел Жловис и, заложив руки за спину, гордо произнес:

– Адептка Риате, вам просили передать, – после чего отставил левую ногу и как рявкнет: – У тебя совесть есть?!

Янка дернулась, я же, напротив, села обратно на свое место, задумалась и меланхолично повторила:

– Совесть? Совесть… совесть… совесть…

Нет, ну в том, что послание от Юрао, нет даже сомнений, но вот о чем я могла забыть настолько, что партнер явно был в гневе?

– Жловис, а больше мне ничего не передавали?

Гоблин кивнул, выпятил грудь колесом и как выдаст тоном дроу и явно подражая его голосу:

– У нас свадьба, а ты?

– Ой, Бездна, – я подскочила, – точно, свадьба же. Жловис, спасибо!

Вслед мне понесся возмущенный хор голосов однокурсников:

– Что?

– Какая свадьба?

– Дэйка выходит за дроу?

– Круто поднялась наша подавальщица, – последняя реплика Ригре принадлежала.

Но это были такие мелочи, а навстречу мне шла леди Митас, и она рыкнула:

– Риате, стоять!

Я прямо посреди коридора и остановилась. И вот она, загадка – я от аудитории бежала, Жловис вроде нет, но почему-то стоило мне остановиться, как гоблин-привратник выступил вперед, оказавшись впереди меня, гордо выпятил грудь, отставил ногу и возвестил:

– Не задерживаем новобрачную, леди Митас. Девушка у нас на свадьбу торопится, опаздывает, знаете ли.

Почтенная леди икнула и сипло переспросила:

– Свадьбу? Какую свадьбу?

– Гно… – попыталась объяснить я, но Жловис не дал.

– Молчи, Дэйка, я сам, – откровенно важничал он. И, повысив голос, словно с глухой разговаривал, гоблин объявил: – Свадьба у нас с офицером Юрао Найтесом, дожал, стало быть, девку.

Я простонала, леди Митас побелела.

– Так что с завтрашнего дня будет у нас не адептка Риате, а, стало быть, уважаемая леди Найтес. А ты иди, чего встала, храмовники ждать не будут, поспешай давай. – И умильно добавил: – Весна, молодость, женихаются, стало быть… Эх, где моя госпожа Жловис…

В следующее мгновение почтенная леди секретарь свалилась в обморок.

– Ну, Жловис! – прошипела я, бросаясь к бездыханной Митас.

– А я что? – возмутился гоблин.

Даже объяснять не стала – бессмысленно.

* * *

В результате случившегося инцидента я задержалась, и когда выскочила из ворот, Юрао встретил меня гневным изваянием и поднадоевшим вопросом:

– У тебя совесть есть?

Ответила ему не я, ответил Нурх:

– А нету у нее совести, – и мне так укоризненно: – Госпожа Риате, я же сказал вам носить повязку! Вы что, опасности не осознаете?

И скромная адептка Академии Проклятий сорвалась:

– Слушайте, вы… – Нет, до оскорблений я все-таки не скатилась.

А они ждали.

И даже были готовы внимать. И лица у обоих такие заинтересованные, и глазки сверкают.

– Идите вы в Бездну! – устало сказала я.

Неодобрительно качнув головой, офицер Найтес задал провокационный вопрос:

– Дэй, ты мою маму помнишь? – Я рот открыла, а он мне: – Вспомнишь. Прости, партнер, она единственная, кто тебя в нормальный вид приведет за оставшееся время. Я бы Ри попросил, но сестричка сейчас рассеянная настолько, что ногти, и те в разный цвет красит, так что…

И меня попросту запихнули в повозку.

– Можешь нарушать, прикрою, – заверил Юрао кентавра.

Нурх помчался на такой скорости, что меня вдавило в спинку кресла, и даже возмущаться не получалось.

Нас несло, и пейзаж стал практически размытым пятном!

И как-то слишком быстро Юрао сказал:

– Стой, – предусмотрительно придержав меня, иначе быть бы носу разбитым, но при этом партнер почему-то добавил: – Все, Дэй, мне тебя жалко.

– Юр, это простая свадьба у гномов, что там может быть страшного? – спросила я.

Собирались мы на свадьбу гнома Ойоко и той самой гномочки, которая мать Ликаси-пожирательницы. Отказаться мы права не имели, Юр рычал, что сие дело для репутации «ДэЮре» очень важное, и на мероприятии будет весь цвет гномьей общины, так что нам следовало быть.

– Я тебе дам – простая свадьба, – прошипел партнер, выходя из повозки и помогая выйти мне. – Это первая свадьба, на которую нас пригласили как представителей дела! И мы там не Дэйка и Юр, а «ДэЮре» – контора частного сыска, так что выглядеть должны соответственно.

– Ты сейчас на что намекаешь? – решила уточнить я.

Юр завел меня во дворик своего дома, вороватым движением запер калитку, после чего повернулся к дому и почему-то злорадно позвал:

– Мама!

Так бывает, когда ты стоишь, а навстречу мчится лавина… остроухая, огромная, многочисленная… Там была не только «мама», там было еще шесть темных эльфиек! Высоких, жилистых, плечистых!

– Она? – дрожащим голосом вопросила первая, златоглазая.

– Она! – торжественно возвестил Юрао.

– Кто? – изумленно спросила я.

– Съедят же, – пробормотал подглядывающий сквозь щель в калитке Нурх.

Юрао, склонившись к моему уху, прошептал:

– Прости, Дэй, у меня не было выбора.

Я не понимала, в какую Бездну он меня втравил, пока две темные эльфийки не метнулись ко мне, не подхватили с двух сторон и не повели меня к дому, обсуждая по дороге:

– Худенькая.

– Страшненькая.

– Человечка чистокровная.

– Кожа слишком белая…

– И вообще не очень, скажу я вам.

– Молчать, – рявкнула матушка Юрао, – главное, что есть! И скажу я вам, когда сыну двадцать семь, уже как-то не смотришь, кого он в дом привел, главное, что привел!

И вот тут до меня дошло.

Я попыталась вырваться, активно попыталась, но держали цепко. Тогда я издала вопль «Юююююр».

– Деточка, – прошипели на меня, – у вас помолвка через десять минут, на вопли просто нет времени.

– Нет… вы ошибаетесь, вы… – попыталась хоть как-то воспротивиться.

– Нет, – простонала мама Юрао, – если еще и эта сбежит, я не выдержу! Я покончу с

собой! Я убьюсь об стену, я… Вы чего встали, у нас тут последний шанс на свадьбу, а они тормозят!

* * *

Спустя десять минут я стояла посреди гостиной дома Найтесов в шикарном темно-фиолетовом платье с откровенным декольте, волосами, поднятыми в высокую прическу и завитыми локонами, подкрашенная так, что сама себя в зеркало не узнавала, хотя красиво, вынуждена признать, а еще я стояла на каблуках. Высоких, но темные эльфийки все равно были выше. А еще они были такие счастливые и, кажется, любили весь мир, включая меня.

– Красивая же, – причитала вокруг матушка Юрао.

– Да, есть в ней что-то, – докрашивая ногти на моей правой руке, вторила ей старшая тетя Найтеса.

– Я всегда говорила – у мальчика превосходный вкус, – это вторая тетя, она на левой руке уже докрасила как раз и теперь поднималась.

– Наконец-то, – матушка Юрао вытерла скупые слезы, – а то я как узнала, что у него семь, девочки, семь официальных любовниц, уж думала все – до его сорокалетия бабушкой не стану.

На этой печальной ноте открылась дверь, вошел дроу в темно-фиолетовом костюме, посмотрел на часы и восхищенно сообщил:

– Мама, ты меня поражаешь – в десять минут уложились.

– Ну я же мама, дорогой, ты просил, я сделала. Где ее родственники?

И вот тут Юрао, сделав самый удивленный вид, невинно вопросил:

– Какие родственники, мамуль? Это ж Дэйка, мой партнер по конторе, мы на свадьбу к гномам опаздываем, вот я и…

Леди Найтес побагровела, несмотря на почти черную кожу, а в следующее мгновение раздался рев:

– Это не невеста?!

– Мам, – Юр выглядел невинно-обиженно, – я на самоубийцу похож? У нее жених из высших лордов.

Старшая тетка закончила с моими ногтями, поднялась и спросила:

– И что? Схватил, через плечо перекинул, и в Западное королевство.

Юр задумался, поманил меня пальцем. Пришлось идти, и вот едва я подошла, гад остроухий ногой дверь открыл, меня подтолкнул в проход и вежливо так:

– Ну, всего вам темного, тетушки, кошмарных, мамуля… Дэйка, бежим!

* * *

Когда мы мчались прочь из дома Найтесов, вслед нам несся вопль:

– Как помолвки не будет?! Юрррррррр!

И после этого я помчалась даже быстрее Юрао, первая открыла калитку и налетела на Окено, который как раз собирался вежливо пропустить вперед Ри. Выскочивший вслед за мной Юрао осмотрел потрясенную нашими действиями парочку, изобразил милую

клыкастую улыбку и сообщил:

– Предки из дома уехали к тетке Нурин.

– Да? – обрадовалась Ри и бросила томный взгляд на Окено.

Тот вообще млел и, казалось, ничего кроме эльфийки не замечал.

– Кстати, там торт остался, твой любимый, шоколадно-ванильный с ликером из каррисы, – врал Найтес вдохновенно, я даже сама поверила.

– Мм-м, – впрочем, влюбленную Ри сейчас любой мог обмануть, – тортик…

– Угостишь? – низким хрипловатым голосом спросил мастер старший следователь.

Я сказать ничего не успела, как Юрао гостеприимно открыл калитку. Ри проскользнула первая, Окено догнал, приобнял за талию. А кругом все цвело и зеленело, на закате пели птицы, бабочки еще порхали – красота, романтика, счастливые влюбленные глаз друг с друга не сводят…

– Мама, – раздался крик Юрао, – хватай будущих жертв брачных обрядов!

После чего подло и коварно закрыл путь к отступлению, да еще и запер, а ключ продемонстрировал потрясенной Ри.

– Я убью тебя! – взревела эльфийка.

– Мамань, сбегут же, – во все горло орал Юрао.

Двери дома Найтесов распахнулись. Толпа алчущих внуков дроу выскочила во двор. Темные эльфийки нацелили горящие жаждой взоры на несчастных влюбленных. Окено дрогнул. Риая замерла и шепотом взмолилась:

– Юрасик, миленький…

– Прости, Ри, я сделал все, что мог, – трагическим шепотом соврал Юрао. И добавил уже громко: – Не, ну вы там долго стоять будете, сбегут же!

И тут произошло неожиданное:

– А может, мы сегодня… две помолвки, а? – не веря своему счастью, воскликнула матушка Юрао.

В следующее мгновение меня схватили за руку и помчали прочь с воплем:

– Нурх! Нурх, уволю, морда лошадиная!

Ворота распахнулись, и к нам наперерез помчались четыре тетушки. А темные эльфийки по силе мужьям ни в чем не уступают…

К великому нашему счастью новый работник конторы частного сыска вклинился между нами и эльфийками, Юрао запихнул меня в повозку, прыгнул сам и приказал:

– Валим!

И едва дом дроу остался позади, Найтес откинулся на спинку, вытер пот со лба и пробормотал:

– Пронесло…

Это он зря.

– Слушай, партнер! – начала злая адептка Академии Проклятий.

– Кстати, да, ты это – если в городе одну из моих теток увидишь, сматывайся сразу. Понимаешь, они на вид мирные, а на деле входят в состав личной охраны нашего главы рода.

– Ой, Бездна, – пробормотала я.

– И не говори. А я у них в семье единственный наследник. Мать – младшая, из семи сестер дети только у нее, остальные, имея по три любовника, замуж не торопятся, в итоге страдаем я и Ри!

– В смысле? – не поняла я.

– В смысле, пока у нас дети не появятся, мать не сможет вернуться в Западное королевство и пост в армии не получит, – пояснил Юрао.

И я вдруг подумала, что, кажется, не все понимаю.

– Юр-р-р, – не скрывая подозрительности, протянула напряженно, – ты сейчас на что намекаешь?

Партнер ссутулился и признался:

– Тетки приехали все и разом, чтобы меня женить. У них это первое в жизни увольнение со службы, и они все в объяснительной написали: «По неотложным семейным обстоятельствам». Ночью заявились, я как утром со службы пришел, так тепленьким и взяли.

– Вот… Бездна, – других слов у меня не было.

Дроу сник окончательно, тяжело вздохнул и добавил:

– Эти… из отряда «Ловцы теней» за ночь лишили меня всех любовниц…

– В каком смысле? – не поняла я, поправляя чуть растрепавшуюся прическу.

– В прямом. Схватили, связали, приволокли в дом, там начали бросать жребий, какая из них утром выходит за меня замуж.

– Ой…

– Тебе «ой», а мне? – Золотые глаза казались самыми несчастными во всех мирах. – Мои искренне верили, что каждая у меня единственная… – тяжелый вздох. – Семь пощечин за одно утро – перебор. И меня бросили… все семь любовниц.

Да простит меня Бездна, но я едва сдерживала смех, а Юрао продолжил:

– Так что твое одевание к гномьей свадьбе – это маленькая плата за мою разрушенную личную жизнь.

– Мстительный ты у нас, – съязвила я.

– И злой, – добавил Юрао.

Мы помолчали, Нурх уже ехал не так быстро, так что можно было и по сторонам посмотреть, но я смотрела на дроу, в итоге решила спросить:

– Юр, и как ты все успеваешь? Работа, контора, – смешок сдержала и добавила: – А также семь личных жизней.

– Ну я же дроу, – гордо ответили мне.

И что тут сказать?!

– А еще чуть-чуть гном, – добавила я с улыбкой. – Кстати, помнишь горгулью в Мирах Хаоса?

– Когда нас к Эллохару перенесло? – поправляя воротник, поинтересовался партнер.

– Ага.

– Помню.

– Скучает по тебе, – сообщила я.

– Я же дроу, – последовал гордый ответ.

– Не замечала ранее за тобой такой гордости от осознания своей расы…

Юрао взвыл, схватился за голову и как заорет:

– Да мне с утра семь глоток наперебой напоминали, что я дроу! Всех предков перечислили и продолжения рода требовали! – успокоился и мрачно добавил: – Пока одна из моих возлюбленных, змееоборотень, кстати, не сообщила теткам, что о процессе продолжения рода я знаю не только в теории, но и на практике знания неоднократно демонстрировал.

– И что?

– Тетки зацепились за идею, что я ее обесчестил, и потребовали, чтобы я, как честный дроу, немедленно женился.

– И?

– И где ты видела честных дроу? – мрачно спросили у меня.

Недоуменно пожала плечами.

– Замая тоже решила, что нигде, обратилась и уползла. – Юр неожиданно сверкнул клыкастой улыбкой и сообщил: – Думаю завтра брать увольнительную и ехать в Школу Искусства Смерти.

– Поступать? – предположила я.

– Нет, за Эрхой, – честно ответил Юрао Найтес. – Ты знаешь, никак не могу перестать о ней думать.

Как я его понимала во всем, кроме одного момента:

– Юр, а зачем ты меня привел к маме и теткам? Я понимаю, месть, но…

– Дэй, ну ты даешь! – возмутились на меня. – А кто бы еще тебя прилично одел за десять минут, а?

– Только отряд теток-телохранителей! – прошипела я, понимая, что свекромонстр – это, как выяснилось, не самое страшное в жизни.

– Зато выглядишь потрясающе, – нагло заметил Юрао. – И вообще, соберись, от этого вечера зависит больше, чем от десятка раскрытых дел.

А после вскинул руки вверх, потянулся, закинул ногу на ногу, потеснив меня, между прочим, и, сцепив пальцы на затылке, мечтательно протянул:

– И как же здорово все вышло, Дэй. Не иначе Бездна мне благоволит.

Заметив мой недоуменный взгляд, пояснил:

– Смотри – тетки меня избавили от разборок с бывшими, это раз. У меня есть ты, а у тебя в женихах сам Тьер, то есть тетки решат, что я безнадежно влюблен, пожалеют даже, может быть, и здравствуй еще год холостяцкой жизни. А за это время я доберусь до Эрхи. Ну, как тебе?

Я оценила его рассуждения и, скрестив руки на груди, честно сообщила:

– Юр, ты не дроу.

– Нет? – изумился офицер Найтес, сверкая золотыми глазами. – А кто?

– Гном ты, Юр, потомственный!

И демонстративно отвернулась. До кого-то дошло, и дроу протянул:

– Дэй, ты обиделась?

– И это у меня нет совести, да? – Да, я обиделась.

До гнома мастера Ойоко мы ехали молча. Я упрямо смотрела в сторону, Юр упрямо пытался доказать, что его поступок был единственно верным, и только так он мог спасти себя от неминуемой свадьбы.

– Дэй, прости. – Я услышала, только когда впереди уже звучал звон праздничных топоров.

– О, да, а еще Жловис решил, что это мы женимся, о чем сообщил всем, кому мог, – добавила я.

– Э-э… – протянул дроу.

Больше он сказать ничего не успел – Нурх остановился, и повозку тут же окружили злые, воинственные, закованные в древние кольчуги гномы и, потрясая топорами, вопросили:

– Кошелек или жизнь?

– Кошелек, во имя Бездны! – воскликнул Юрао и вышел из повозки.

– Наш гном! – загалдели все вокруг и начали стучать топорами в медные щиты.

Звон стоял оглушающий, Нурх начал нервно копытами перебирать, а мне пришлось улыбаться и выходить из повозки.

Вот так, звеня и подбадривая умными мыслями типа: «Сначала пересчитай, а потом доверяй», или «Сделал дело, бери оплату смело» гномы проводили нас до дверей.

И смысл всего этого действа стал ясен, едва Юрао перед входом в дом шепнул мне:

– Умную мысль придумай, быстро, у них свадьба по старым обычаям.

Двери перед нами распахнули две гномочки, одетые в ярко-розовые платья, которые делали их похожими на две розочки. Накрученные спиральками локоны, пухлые щечки, пухлые ручки с ямочками под локоточками и драгоценности, драгоценности, драгоценности – на такие мероприятия надевали все фамильные украшения. Украшений было много. Очень.

– Ты незамужняя, тебе не положено, – шепнул дроу, проходя вперед и ведя меня за собой.

Мы вступили в арку.

Из цветов, недорогих бус, перевитых золотыми лентами тканей. Арка вела в гостиную, а оттуда слышалась музыка, шум голосов, веселые песни гномок. И все стихло, едва мы с Юрао появились. В центре гостиной на двух больших креслах сидел сам господин Ойоко, закованный в кольчугу и броню, с боевым топором на коленях, и уже госпожа Ойоко в красном платье, расшитом золотыми нитями. Драгоценностей на ней было не меньше, чем на окружающих замужних гномихах, зато глаза сверкали едва ли не ярче всех бриллиантов. И эти глаза смотрели на нас.

И как-то неуютно было оказаться под взглядами полсотни гномов, которые от нас чего-то ждали.

Как выяснилось, ждали даров и слов.

– Почтенный мастер Ойоко, – начал Юрао, и выглядел он в этот момент очень достойно, – древние говорили: «Две монеты в кошельке слышны всем, сто монет не слышны никому». Желаю тебе, чтобы твой кошелек всегда безмолвствовал!

Почтенные гномы важно закивали, поглаживая бороды, пожелание им очень понравилось, и на Юрао все смотрели с уважением, а вот на меня глядели все почтенные гномихи, причем с ожиданием. Юр дернул за руку, намекая, что теперь моя очередь.

Я подумала и сказала:

– Госпожа Ойоко, – голос мой дрогнул, но я все же продолжила, стараясь держаться с достоинством, – древние говорили: «Дом мужчины – весь мир, мир женщины – только дом». Желаю вам, чтобы мир вашего любимого вы разделили с ним пополам, а он разделил с вами ваш мир, и с этого мгновения вы шли по жизни рука об руку.

И зря я так сказала, наверное. Потому что гномы есть гномы, им мораль про финансовую выгоду подавай и правильной финансовой политикой с ними делись, а не какими-то призрачными ценностями. И теперь все смотрели на меня. И жених с невестой, и окружающие их друзья и родственники, и даже присутствующие тут дети блестели заинтересованными глазенками, выглядывая из-за юбок матерей.

– В смысле капитал теперь делите поровну, – добавил к моему пожеланию Юрао.

И ситуация мгновенно изменилась, все закивали, захлопали, послышались крики одобрения. А я почувствовала себя так неудобно и неуютно, и виновато взглянула на мастера Ойоко, но гном… Гном кивнул мне, протянул руку и осторожно сжал ладонь своей любимой

теперь уже супруги. И мне показалось, что он меня понял правильно.

Как выяснилось, мы были последними гостями и все ждали только «ДэЮре» – не зря Юрао торопился. И вот когда нас уже отблагодарили за добрые пожелания, все родственники подскочили к арке, распределились, и процессия двинулась к выходу из дома мастера-стекольщика. Так мы и вышли на улицу Ардама. Впереди шли воинственные гномы и били топорами в щиты, звон стоял невыносимый, следом бежали гномики и гномочки, разбрасывая цветы из смешных маленьких корзиночек, затем родственники несли арку, а в ней, стараясь не выбиваться из общего ритма движения, шли мастер Ойоко и уже госпожа Ойоко.

Мы, приглашенные, следовали за женихом с невестой в толпе таких же приглашенных, и Юрао, в отличие от меня, не умолкал ни на минуту:

– И что, говорите, никаких скидок? – притворно изумлялся какой-то незнакомый мне гном.

– Какие скидки, почтенный мастер Нурко? В убыток трудимся, – вдохновенно лгал Юрао.

– Да полноте вам, – второй гном присоединился к разговору, – контора в самом центре Ардама.

– Знали бы вы, во сколько мне аренда обходится, – продолжал обманывать офицер Найтес.

Аренду мы в помине не платили, здание Юр получил от главы клана Приходящих во Сне совершенно бесплатно, но видимо, это и была «правильная финансовая политика».

Так мы и шли к главной площади Ардама, чтобы аккурат к закату провести обряд бракосочетания по светским имперским порядкам, потому как для гномьей общины мастер Ойоко уже был женат с того момента, как подписал брачный договор.

И вот шумная гномья свадьба сворачивает с улицы Мертвого Висельника на городскую площадь, целенаправленно шагая к храму Великой Бездны, и тут я замечаю невероятное – у самого храма собралась толпа адептов в форменной одежде Академии Проклятий!

Смутные подозрения охватили меня с момента, когда я разглядела черно-синюю форму, но чем ближе мы подходили, тем отчетливее становилось понятно – адепты! Причем знакомые все лица!

И гномы шумят, звон такой, что не только вороны, но и мыши летучие всполошились, разбушевавшиеся воины поют воинственное «Ух вломим!», дети цветами уже не столько на дорогу, сколько друг в друга бросаются, мы с Юрао в толпе гномов, а у адептов Академии Проклятий глаза все больше и больше становятся…

Ну а когда гномье музыкальное творчество стихло, едва мы достигли ступеней храма, раздался знакомый гоблинский глас:

– Э-э-э, так чья свадьба-то?

«Жловис!» – мысленно простонала я.

– Свадьба почтенного мастера стекольщика Ойоко, – с достоинством ответила одна из гномих.

Среди адептов Академии Проклятий началось брожение, после чего все вопросительно уставились на меня. Когда в храм поднялись окованные броней, затем несущие арку, следом сами новобрачные, и пришла пора нам с Юрао тоже подниматься, Жловис неожиданно выскочил, взобрался на ступеньки и вопросил:

– Как же так, Дэйка?

Юрао хотел было ответить, но я его опередила и поучительно начала:

– Вас, уважаемый господин Жловис, просили передать мне, что я на свадьбу опаздываю, не более и не менее. И вот вам загадка: с чего один гоблин привратник решил, что это моя свадьба?

– Резонный вопрос, кстати, – добавил Юрао, увлекая меня вверх по ступеням.

– Так… это, – гоблин почесал затылок. – Дэйка, а то, что леди Митас сказала?

У меня сердце замерло, рука дрогнула, и Юр это заметил. Сжал мою вмиг похолодевшую ладошку и переспросил:

– А что с Митас?

Жловис замялся и пробормотал:

– Что Дэйка и… и… и лорд-директор…

Юрао расхохотался. Весело и чуть-чуть издевательски, и хохотал он так, что мне самой смешно стало. И гоблин даже улыбнулся.

– Весна, – отсмеявшись, протянул офицер Найтес, – время активизации умертвий и галлюцинаций.

И мы поднялись в храм. Ну а в храме Бездны уже не до смеха – место святое, здесь даже улыбка как-то кощунственно выглядит.

Вообще у храмов Бездны история своя, особая – по легенде это следы щупалец Хаоса, который поработил Тьму. Именно богиню Тьму. Он вырвался из песков Миров Хаоса и направил все силы на уничтожение той, что когда-то была его душой, хотя в некоторых трактатах утверждают, что они были супругами. И схватив ее, Хаос освободил всех нас – людей, гномов, дроу, эльфов, оборотней, друидов, лесных, вампиров, нежить и нечисть – всех, в общем, от Тьмы. А Бездна стала для нее заточением. Но Тьма наша мать, и все мы рано или поздно вернемся к ней, то есть в Бездну. Хотя в свете добытой Рианом у Бессмертных информации, про то, что смерть это как раз свет…

Впрочем, Темная империя безоговорочно верила в собственный пантеон и, соответственно, в Бездну. Во-первых, она напоминала, что истоки империя берет из Миров Хаоса, во-вторых, прямо указывала, что Хаосу нас не достать, в-третьих, это оказалась единственная религия, которая объединила все остальные. И, несмотря на то, что у эльфов сохранялись свои боги, у друидов и остальных лесных имелись собственные святилища, оборотни продолжали выть на луну, а вампиры плевать на любые религиозные начинания – в Бездну верили все, она-то была реальна. И потому на главной площади Ардама вокруг величественного храма Бездны росли как грибочки по осени остальные храмы, но по дороге в дом своего бога или божков все заходили в храм Бездны, кто усопших помянуть, кто на правительство пожаловаться, а кто и просто постоять на краю, посмотреть в пропасть.

– Возьмите детей за руки, – привычно и устало приказал главный жрец.

Матери, на мгновение застывшие и завороженно глядящие в непроницаемо-черную мглу земного провала, спохватились, ухватили любопытных гномиков за ладошки. Церемония началась.

«Темных тебе, Бездна», – мысленно поприветствовала я божественную сущность.

Бездна величественно промолчала. Она всегда молчала и все равно была. Огромная, бездонная, поглощающая любой свет. Действительно любой – будь то брошенная в нее горящая свеча или магический огненный сгусток – все гасло мгновенно. А еще у нее подлинно не было дна, потому как звука падения из нее никогда не доносилось.

– Да прибудет с нами Бездна! – возвестил жрец, воздевая руки к небу.

Мы все молчали.

– Да примет Бездна союз новобрачных!

Все продолжали молчать.

– Да поглотит Бездна всех недругов новобрачных!

Снова тишина.

Жрец тяжело вздохнул, махнул на нас рукой и ушел. Один из воинственных гномов передал топор и щит супруге и поторопился за жрецом – записать имена новобрачных, дату, род, с этим строго, без этого потом свидетельства о браке не дадут. А мы все остались стоять перед бездонной черной пропастью.

– Мама, – заныл один из гномиков, – а можно я туда плюну?

Все с трудом сдержали улыбки – плюнуть в Бездну затаенная мечта каждого, в детстве очень хотелось, а как вырастешь – страшно.

– Нельзя, – прошипела, видимо, та самая мама.

– Почемуууууу? – заныл гномик.

И тут Юрао, словно ни к кому не обращаясь, сказал:

– А ты подумай, чего с тобой будет, если Бездна плюнет в ответ.

Гномик умолк. Несколько минут было тихо, потом раздалось осторожное:

– Дяденька, который только выглядит как дроу, а на самом деле гном, которого даже папка уважает, а если я туда кину монетку, Бездна в ответ бросит в меня золотом?

Вот теперь тихо в храме было долго.

Все думали. Гномы так вообще алчно на Бездну поглядывали, Бездна молчала – кто ее знает, настороженно или безразлично. А Юрао думал, чего бы ответить ребенку, да и всем тоже.

– Сомневаюсь, – в итоге выдал он, – ибо есть подозрения, что Бездна тоже немного гном…

И тогда все поняли – никакого золота не будет, а вот плюнуть в ответ может, да еще как, а потому до возвращения жреца молча смотрели в Бездну.

Ну а когда жрец возвестил: «Да прибудет с вами Бездна», все повернулись и покинули храм. Все, кроме нас, так как Юрао придержал, а потом и вовсе оттеснил в сторону, заговорщицки подмигнув. Придерживая юбки, я стояла рядом с ним, недоумевая по поводу задержки, и тут увидела – маленький гномик с накрученными локонами и в смешных коротких штанишках спрятался за колонну и ждал, пока все уйдут. И вот когда храм был почти пуст, малец достал монетку, подошел поближе к пропасти и ловко швырнул деньгу. В ответ – тишина. Гномик постоял, постоял, тяжело вздохнул и тоже направился к выходу.

– Да, все-таки Бездна чуть-чуть, но гном, – со смехом произнес Юрао.

Малыш, осознав, что его выступление было замечено, покраснел до ушей и помчался за мамочкой, а Юр повторно удержал меня на месте.

– Что? – шепотом спросила я.

Отпустив мою ладонь, офицер Найтес прошел к самому обрыву в зияющее нечто, опустился на одно колено, сложил руки в молитвенном жесте и начал что-то говорить, беззвучно шевеля губами. И мне как-то даже неудобно стало, что я это вижу. А потом Юрао легко поднялся, поклонился еще раз Бездне и, чуть ли не пританцовывая, направился ко мне.

– Юр, – на выходе из храма я все же решила спросить, – это ты Бездне молился?

– Причем здесь Бездна? – весело переспросил партнер. – Я все же дроу, Дэй, не забывай об этом, а мы все поклоняемся Тьме Изначальной.

– А-а-а, – протянула ничего не понимающая я.

В общем, в империи действительно у всех своя религия, но это ничуть не мешает нам благоговеть перед Бездной.

Когда мы вышли из храма, адептов академии уже не было видно, а гномы, возобновив оглушающий звон, потянулись к ресторации «Золотой феникс» – да, денег на собственную свадьбу мастер Ойоко не пожалел.

* * *

Мне доводилось бывать на разных свадьбах, но на гномьей я оказалась впервые. И танцевала я столько впервые. И пила тоже! Как оказалось, на гномьих свадьбах до наступления ночи никто не сидит – все танцуют. Потом музыка прерывается, гости окружают стол, звучит тост, выпивают и снова танцуют. А пить у гномов принято до дна. Так что после третьего тоста, когда пришла моя очередь высказаться (мы с Юрао были второй почетной парой на свадьбе), бокал почему-то дрожал, а язык заплетался, и потому я решила быть краткой.

– Будьте счастливы! – громко и весело пожелала молодым. Гномы не оценили, пришлось добавить: – И богаты!

Все радостно зашумели, выпили, торопливо закусили, и Юрао утащил меня танцевать. Под заводную веселую мелодию мы кружили, прыгали, топали и веселились: молодые в центре, приглашенные вокруг них в огромном кривом круге, дети в стороне, играли в «Бездну», которую нарисовали на полу черным кремом, украденным на кухне, по поводу чего пытались возмутиться местные повара. Тот самый маленький гномик мстительно плевался, остальные, копируя взрослых, скорбно стояли, глубокомысленно глядя на изображение.

А потом неожиданно музыка играть перестала, все остановились, а Юр почему-то старательно придерживал пошатывающуюся меня. Хотя у меня были сомнения в том, что именно я шатаюсь, а вот мир, мир… он как-то нестабильно вел себя. Мысль, что я напилась, решено было не озвучивать, и, пытаясь стоять ровно, я огляделась в поисках причины прекращения веселья.

Потом тишину разорвал крик:

– Ликаси!

И господин, и госпожа Ойоко бросились к входу в ресторацию, а я, проследив за ними взглядом, так и застыла… В дверях ресторации «Золотой феникс» возвышался лорд Даррэн Эллохар, а рядом с ним заметно повзрослевшая, затянутая в черную форму адептов Смерти, стояла Ликаси и терпеливо смотрела на него, видимо, ожидая разрешения.

– Иди. – Я не услышала этого слова, скорее, прочла по губам лорда Эллохара, который не сводил с меня взгляда.

И мне вдруг стало очень неудобно и за свое поведение, и за состояние опьянения, что никак не хотело отпускать, и даже за то, что Юрао обнимает за плечи, а один из гномов держит мою ладонь – мы как раз до появления Эллохара хоровод водили.

А маленькая гномочка, получив разрешение, бросилась к маме и, фактически, к папе, пусть и не родному, но очень любимому. И ее таким счастливым родителям было совершенно не важно, что малышка наполовину Пожирающая жизни и что все их родственники в

священном ужасе взирают на эмблему Школы Искусства Смерти – они просто были счастливы. Очень-очень счастливы, что дочь смогла вырваться на их свадьбу. И обнимались так – госпожа Ойоко обнимала Ликаси, а господин Ойоко их обеих.

– Никто не думал, что Ликаси отпустят, – прошептал Юрао.

– Эллохар хорошо к своим ученикам относится, – едва слышно ответила я.

– Это да, – признал дроу. – Помнишь, в Загребе? Издевался над ними он знатно, но как только ситуация стала для них угрожающей, вступил в бой сам. Дневные стражи до сих пор об этом по кабакам треплют.

Я и другое помнила, например, сегодняшнее «Останься».

– Мы тут еще надолго? – отвернувшись от входа, спросила я.

– До даров, – сообщил дроу.

– Это долго?

– До полуночи, примерно. Дэй, ты чего?

Риан, конечно, про свадьбу знал, я не могла не сказать и, узнав, что буду с Юрао, отпустил безоговорочно. Но сейчас мне почему-то захотелось вернуться домой, засесть за учебники и дождаться момента, когда вспыхнет адово пламя, меня осторожно обнимут теплые сильные руки и нежный голос хрипло спросит: «Опять не спишь, родная?». И губы сами растянулись в счастливой улыбке… и как же хочется к нему, чтобы прижаться, хоть на миг, и почувствовать себя такой маленькой, такой хрупкой и в то же время такой важной и любимой.

Сильные руки вдруг скользнули по плечам, рукам, нежно обняли талию и, холодея от внезапно охватившего ужаса, я услышала злое:

– И чему же ты так улыбаешься, прелесть моя?

– Так свадьба же, – ответил за меня Юрао, аккуратно отодвинув от магистра Эллохара, и добавил: – Вы сегодня танцуете?

Музыка заиграла вновь, правда, новобрачные в этот момент сидели за столом, разговаривая с Ликаси, которую активно старались накормить, если не закормить.

– Не танцуете? – перекрывая музыку, вопросил Юр и, не дожидаясь ответа, утянул меня в новый хоровод.

А потом и из хоровода вытащил, и мы закружились в паре по залу, новобрачных-то теперь в центре не было, и во всем этом круговороте я четко осознала – танцую я отвратительно просто. Меня вел Юрао, меня направлял Юрао, да и поддерживал тоже он, а я себя чувствовала бревном невмиручим.

– И вот мне интересно, – через два танца произнес дроу, – с каких пор директора Школы Искусства Смерти принимают приглашение остаться на гномьей свадьбе?

Он остановился и развернул меня лицом к эпической картине: магистр Эллохар стоял, скрестив руки на груди, и со снисходительной улыбкой смотрел на прыгающую и вопящую «спасибо!» Ликаси, а подавальщики торопливо добавляли приборы на стол, который уже накрыли в конце зала.

– Мне лучше уйти, – приняла решение я.

– Обидишь новобрачных, – не согласился Юрао.

Сказать ему, или как?

– А местами мы поменяемся, – вдруг сурово добавил мой партнер.

– В смысле?

– В смысле, Дэй, его возле тебя посадили, так что местами мы поменяемся.

Музыка остановилась, последовали очередные пожелания. Мы все вновь окружили стол, подняли бокалы, Юр сразу протянул мне хрустящий пирожок, а затем выпил из своего бокала больше чем половину, отдал его мне, мой полный забрал – у гномов принято допивать до конца, чтобы дом был полной чашей, так что я не возражала.

Говорить пожелание на этот раз выпала честь Ликаси. Для нее принесли стул, взгромоздившись на который, гномочка обеими ручками обхватила бокал, сияющими от счастья глазками обвела присутствующих, а потом поклонилась нам с Юрао и срывающимся от волнения голосом сказала:

– Пусть мамочка и папочка будут всегда вместе и глаза их блестят от счастья, как новая монетка, но сейчас я хочу поблагодарить мастеров своего дела, тех, кто всегда выполняет заказ, и тех, без кого не было бы этого праздника. Госпожа Риате, лорд Найтес, я поднимаю этот бокал, первый в своей жизни, за вас! За ваш успех, за вашу работу, за то, что «ДэЮре» существует и в нем работают честные, ответственные мастера своего дела, способные всегда докопаться до правды. За вас!

Мы с Юрао потрясенно переглянулись, приятно было, слов нет как, и трогательно очень и…

– Спасибо, – искренне поблагодарил Юрао, – для нас с партнером ваши слова очень много значат.

Ликаси кивнула, принимая его благодарность, а я, выпивая, как и все, вино до дна, вдруг подумала – а замечают ли гномы, как отличается эта малышка от их детей? Не внешне, нет, но другие гномики и гномочки все еще играли веселой стайкой, а у Ликаси даже взгляд был взрослым.

Потом вновь заиграла музыка, и возобновились танцы. Снова, снова и снова. Мы кружились в хороводах, и, несмотря на то, что благодаря Юрао я пила половинную порцию вина, голова давно кружилась, лица гномов, бородатые и нет, сливались в разноцветную мешанину, но все равно было очень и очень весело, а потом я вдруг потеряла руку Юрао. Так как держалась исключительно за него, и танцевали мы только вместе, эта потеря вынудила растерянно остановиться, пытаясь привести в порядок мысли и…

– Гномьи свадьбы определенно не для юных адепток, – прозвучал насмешливый голос, и меня, придерживая за плечи, властно куда-то повели.

Глоток свежего воздуха был как глоток жизни, и едва мы оказались на улице, я, вскинув голову и глядя на звезды, вдохнула полной грудью, чувствуя, как от прохладного, напоенного ароматом цветущих деревьев вечера немного кружится голова. И все равно было так здорово.

Вот еще бы стоять ровно.

– Тихо-тихо, – меня вновь придержали, – впрочем, мне приятно обнимать тебя.

Что-то определенно было не так. И Юрао не хватало. Очень. С Юрао оно как-то проще и спокойнее, и даже увереннее, и…

– А где Юрао? – заплетающимся языком поинтересовалась я.

Повисла пауза. Лихорадочно рассуждаю, что если это не Юрао, тогда не дроу, а кто-то другой.

Кто?!

И внезапно накатывает – Даррэн Эллохар! Страшно? Нет, мне почему-то весело очень, и плечи сотрясает едва сдерживаемый смех. Просто я вдруг вспомнила, что мы на гномьей свадьбе, а тут все танцуют, и ладно, я с Юрао вместе, а вот директору Школы Искусства Смерти, наверное, с гномой танцевать пришлось. О, куда мои глаза смотрели, и почему я

такого не увидела?!

– Дэя? – встревоженный вопрос.

А я начинаю хохотать, не в силах сдержаться, да и на ногах стоять тоже затруднительно, а перед глазами нарисованная воображением картинка, где Эллохар прыгает и кружится по залу с гномой, которая ему едва по пояс… И пока я хохотала, гнома в моем воображении стала гномом с длиннющей как у тех жрецов бородой, которой он пол подметает…

– Да, – протянул лорд Эллохар, развернув меня к себе лицом, и обнял, едва я, уткнувшись лбом в его грудь, продолжила весело хохотать, – ты совершенно пьяна, Риате.

Наверное.

Я отстранилась, запрокинула голову и посмотрела в небо. Небо танцевало вместе со мной… Я раскинула руки и закрыла глаза – ветер подхватил, закружил, овевая мое лицо. Ветер тоже танцевал со мной. Не танцевал только Юрао, и меня это настораживало. Остановившись, я огляделась – каким-то непонятным образом мы оказались в той части площади, где цвела Аллея Веселого Покойника, а это шагов двести от ресторации «Золотой феникс».

Зато мне стало понятно, почему нет Юрао.

– Юр будет ругаться, – стараясь говорить внятно, произнесла я.

И, сориентировавшись в пространстве, направилась к ресторации, в которой музыка гремела так, что даже здесь было слышно – бедные летучие мышки.

– Тихо-тихо. – Идти я пыталась, но не получалось почему-то. – Ты пьяна, Дэя.

Что-то он по этому поводу уже говорил, но в данный момент я почему-то никак не могла вспомнить, что именно. Правда, едва лорд Эллохар опустил меня на землю, продолжая придерживать за плечи, я вдруг вспомнила:

– Так отрезвите меня. Вы же умеете… ик.

И, развернувшись, я посмотрела на магистра. Директор школы Искусства Смерти почему-то грустно улыбнулся, его взгляд скользнул по воротнику моего платья, а я смутно припомнила, что до скромности моему наряду далеко, и смущенно отступив, попросила:

– Давайте вернемся. – Ощущение полета стремительно отступало, почему-то вдруг стало холодно и неуютно.

Я огляделась снова, обхватив плечи руками, голова все так же кружилась, но весело теперь совершенно не было, становилось только холоднее и холоднее.

– Мм-м, не рекомендую, – прозвучал вдруг ледяной голос Эллохара.

И холод отступил.

Вокруг меня вновь был теплый весенний вечер, аромат цветов, и согрелась я мгновенно, но руки так и не опустила – в этом платье перед магистром я себя крайне неуютно чувствовала.

– Нужно возвращаться, – тихо напомнила я. – Юрао…

– Мразь остроухая, – вдруг прошипел директор Школы Искусства Смерти.

– Что? – переспросила я.

В ответ услышала раздраженное:

– Дэя, приличная девушка не пьет из одного бокала с мужчиной, если только тот не является ее любовником, – мрачно сообщили мне.

Вечер все так же пьянил, но нелогичность в словах магистра заставила спросить:

– Приличная и любовник? А у приличных девушек они бывают?

Взгляд лорда заледенел, но ничто не остановит адептку Академии Проклятий на пути к

истине:

– Если приличная, то без любовника, или неприличная с любовником, или…

– Дэя!

– Приличная – она с любимым. – Одна Бездна ведает, что на меня нашло, но остановиться я почему-то не могла. – А если любимый, то…

Лорд Эллохар вдруг очутился недопустимо близко, а я оказалась скована его руками, и магистр хрипло простонал:

– Я не могу без тебя… – Он обнял так сильно, я и вздохнуть была не способна. – Не могу, Дэя… – и почти рык, – не могу…

И замер, тяжело дыша и сжимая меня в болезненных объятиях.

– Я любил Василену, Дэя, – он вновь заговорил хриплым срывающимся голосом, – но я мог жить без нее… Мне достаточно было знать, что она счастлива, что жива и живет, мне этого хватало… А сейчас – не могу даже представить, что ты останешься не со мной.

Ощущая, как неистово бьется его сердце, насколько тяжелым стало дыхание, я попыталась вырваться, но вместо того, чтобы отпустить, лорд Эллохар вдруг снова простонал:

– Сначала просто симпатия, невнятная, едва ощутимая и странная мысль ночью: «Почему я думаю о ней?». Почему? Постарался забыть в ту же ночь. Почти не вспоминал наутро… но когда снова пришла ночь, мне снились твои глаза, Дэя… – хрип, и с рычанием: – Мне снились твои глаза, Дэя, и я утонул в них.

Поднявшийся ветер бросил в нас разноцветные лепестки соцветий, овеял, словно играясь, и умчался прочь, а Эллохар с трудом продолжил:

– Я же знал, чья ты… Знал с самого начала, еще тогда, когда в твоих глазах при взгляде на Тьера прятался лишь страх. Знал, – глухое рычание, – все знал… Но все чаще ловил себя на мысли, что вспоминаю о невзрачной адептке Академии Проклятий.

Тихий злой смех, и издевкой над самим собой прозвучало:

– Я так долго оправдывал интерес к тебе заботой о невесте друга… Перед самим собой оправдывал… Я сам себя обманывал, Дэя, я так старательно себя обманывал, а обмануть не смог.

О, Бездна, и что мне с этим делать?! Что мне делать с этим признанием и этими чувствами?..

– Магистр Эллохар… – начала я.

Отпустил в то же мгновение. Отпустил, отошел, отвернулся и теперь стоял спиной ко мне, глядя куда-то перед собой.

Где-то там, словно в другой жизни, слышался звон ударов боевых топоров, громкая музыка, далекий смех. Там, где-то… а здесь тишина, лед отчаяния, и мое бессилие сделать хоть что-то. Я просто не знала, что делать… Хотелось развернуться, уйти и никогда больше не слышать, хотелось забыть и не вспоминать, хотелось все что угодно, только бы не стоять здесь, чувствуя себя виновной. В чем?!

– Я знал, что любить – это больно, но не знал, что настолько… Боль убивает меня, Дэя, но боль ничтожна в сравнении с ревностью… Знать, что ты с ним, что он обнимает тебя, прикасается к твоей коже, целует волосы цвета спелой вишни… Знать и заживо сгорать без возможности очнуться от кошмара… – усмешка и злое: – И вот ты на моих глазах обнимаешься с дроу и делишь с ним бокал на двоих! Я же убью его, Дэя! Я не сдержусь и просто убью!

И как назло в ночи раздался голос Юрао:

– Дэя!

Магистр Смерти медленно обернулся на крик. Медленно, но в каждом его движении читалась угроза, и я испугалась за партнера, испугалась настолько, что, подбежав к лорду Эллохару, преградила ему путь, просто чтобы удержать.

И если есть поступки, о которых мы горько сожалеем годами – это был он, тот самый поступок.

– Даррэн, пожалуйста, – взмолилась я.

И услышала хриплое:

– Повтори!

Я вздрогнула, попыталась отойти… Рывок, и как тогда в таверне в Мирах Хаоса, я оказалась прижата к дереву, а лорд Эллохар, склонившись, прорычал:

– Повтори…

И я повторила:

– Прокляну ведь.

Но он расхохотался. Это был злой издевательский смех, и, не дав даже опомниться, лорд Эллохар вдруг прохрипел:

– От любых твоих проклятий, Дэя, есть один очень действенный метод, милая, следует просто закрыть твой рот!

Я сжалась, с ужасом осознавая, как он прав, и уже чувствовала его дыхание на своем лице, и…

– Дэй, ты больше не пьешь! – раздался совсем рядом наглый голос Юрао. – Определенно не пьешь.

Замерла я, возблагодарив Бездну, застыл от ярости лорд Эллохар, а Юрао Найтес продолжил:

– Я тебе больше скажу, Дэй, сам пить больше не буду, ибо ты не поверишь – до гномов напился!

Не поверила и полузадушенным голосом переспросила:

– Это как?

– Это? – Юр хмыкнул. – Танцевал-танцевал с тобой, а ты оп – и стала гномом, и таким бородатым, скажу я тебе.

Помолчал немного, потом спросил:

– Дэй, у меня опять разгул видений по пьяни, или ты тут с Эллохаром целуешься?

И так как я промолчала, а магистр Смерти и вовсе хранил молчание, Юрао продолжил:

– Слушай, не то чтобы я против… Да я вообще дроу, у нас с верностью туго, но, Дэй, я же тебя знаю, ты себе этого просто никогда не простишь.

В следующее мгновение меня отпустили.

Просто отпустили.

Вспыхнуло синее пламя.

Когда всполохи огня угасли, мы с Юрао стояли одни в парке, только сердце мое стучало так быстро, что казалось, его все слышат.

– Да, – мрачно произнес Юрао, – это уже серьезно.

А я, как стояла прислоненная спиной к дереву, так и сползла вниз и, закрыв лицо руками, тихо заплакала, просто не смогла сдержаться.

– Дэй, – Юрао мгновенно присел рядом, обнял за плечи, – Дэя, ты испугалась?

– И… испугалась, – пробормотала я сквозь слезы.

«Жалко его», – подумала про себя. И страшно очень, за себя и за Риана, и жалко, до боли жалко… И я не знаю, что делать, и…

– Я не знаю, что мне делать, Юр, – едва слышно прошептала, стараясь перестать всхлипывать, – не знаю… я…

– «Я», не «я», вставай уже, частные следователи сопливыми не бывают, – он заставил подняться, протянул платок и жестко добавил: – А теперь нос вытри и на меня смотри.

Кивнув, я продолжала всхлипывать, и слезы не останавливались.

– На меня посмотри, – рыкнул дроу, а едва я перестала реветь, мрачно произнес: – Ты давай еще винить себя начни, Дэй!

Я всхлипнула, винила ведь, хоть и вины не чувствовала.

– Дэя, он взрослый матерый лорд, Дэя! – прошипел Юрао. – Он женщин вдоль и поперек знал, когда тебя еще в проекте не было! Нашла кого жалеть и по кому слезы лить!

И я плакать перестала, даже сама не знаю почему.

– Уже лучше. – Юрао отобрал у меня платок, сам вытер мне лицо и добавил не менее жестко: – Эллохар по тебе конкретно с ума сходит, Дэй. Ты не видишь, а он тебя жрет глазами. Прекращай жалеть, Дэй, просто прекращай. Поговори с Тьером, пусть мужики сами между собой разбираются, хватит пытаться сгладить ситуацию, сама видишь, куда все катится.

С тяжелым вздохом тихо призналась:

– Я не могу, Юр…

Партнер неодобрительно покачал головой, затем уверенно сказал:

– Когда подкатывают к моей женщине, Дэй, и не важно, какая она по счету из любовниц, я разбираюсь сам, всегда. Потому что моя. Потому что я мужчина и в состоянии обеспечить безопасность женщины, которая делит со мной постель. Постель, Дэя, даже не сердце. Поговори с Тьером, это не твоя проблема – его. Потому что ты его женщина и он вправе тебя защищать. Это не долг и не обязанность, Дэй, это его право.

Забрав платок обратно, я вытерла лицо, постаралась успокоиться и тихо попросила:

– Давай уйдем.

– Со свадьбы? – догадался Юрао и тут же ответил: – Э, нет. Ну вернет тебя Нурх в академию, ну поревешь пару часиков, пока от усталости не заснешь, и разве это выход?! Здесь сейчас самое веселое начнется, так что прекращаем жалеть матерого серого волка и идем веселиться. В конце концов, Дэй, когда еще выпадет побывать на такой свадьбе? Мы даже еще боевые пляски не видели!

Я улыбнулась, улыбка вышла слабенькая и жалкая.

– На будущее, – Юр обнял за плечи и повел к ресторации, – когда тебя целовать пытаются, нужно орать, Дэя. Громко, требовательно и грозно.

– А что? – решила уточнить я.

– Мм-м, что орать? Орать нужно что-то вдохновенное.

– Например? – И кто мне скажет, почему я улыбаюсь.

– Например: «Пожри меня Бездна».

– А почему «меня»?

– Ну, – дроу усмехнулся, – потому что твой целователь как минимум такому повороту событий искренне удивится.

– А максимум?

– А как максимум передумает тебя чокнутую целовать, тебе же лучше, согласись.

– Согласна. – Я уже улыбалась.

И мы пошли к ресторации, когда я вдруг уловила краем глаза неясное сияние. Стремительно обернувшись, увидела, как угасает синее пламя, и поняла – Эллохар все слышал! Первое что ощутила – страх за Юрао, магистр его и так не особо любит, а уж теперь…

– Дэй, – партнер подтолкнул к ресторации, – идем.

В тревожном настроении вернулась я на свадьбу, и как отражение моих чувств начался «Брагш» – свадебный танец гнома-воина. Выглядело это так – под ритмичные удары все тех же боевых топоров о все те же щиты господин Ойоко начал свой танец-бой, нападая на невидимого врага и нанося ему удары.

– Одна из древнейших традиций, – сообщил мне Юрао, наклонившись и практически крича в ухо, так как шум стоял невообразимый. – Танец мужа и воина, вроде как отгоняет злых духов от семьи.

– Или демонстрирует врагам, чего с ними сделают в случае чего, – вставила я.

– Или так, – согласился Юрао и, понаблюдав пару минут, добавил: – Слушай, а мне на месте врагов уже стало бы боязно.

– Я и на месте духов устрашилась бы.

Сначала все молчали, затем как-то постепенно начали хлопать и топать в ритм мелодии. Танец захватывал и околдовывал своей простотой, силой, смыслом, каким-то диким очарованием, и я сама не заметила, как захлопала вместе со всеми. И когда мелодия стихла, а воздух перестал дрожать от напряжения, я вдруг поняла, что мне уже легче и спокойнее как-то.

Затем был танец невесты. Красивый, мелодичный, такой спокойный и плавный, а потом всех пригласили за стол – значит, уже наступила полночь.

За стол рассаживались согласно расставленным табличкам – для каждого свое место. Мое, как и предположил Юрао, оказалось рядом с лордом Эллохаром, вот только, несмотря на попытку партнера сесть между мной и магистром, я была быстрее.

– Дэй, что творишь? – прошипел Юрао.

– А я не уверена в сдержанности магистра по отношению к твоей жизни, – пришлось сообщить мне.

Лорд Эллохар к началу застолья опоздал – появился, когда все уже за четвертый тост пили. Я его присутствие ощутила порывом ветра за спиной, а когда обернулась, он уже садился, не глядя на меня. Но едва ко мне подошел подавальщик, чтобы, как и всем, наполнить бокал, магистр произнес ледяным тоном:

– Леди не пьет.

Он даже не взглянул на юношу, но тот отошел мгновенно.

– Сок? – невозмутимо предложил темный.

– Да, спасибо, – настороженно ответила я.

– Правило первое, – взгляд на меня, усталая усмешка, – при дворе императора не позволяй никому, кроме Тьера, ухаживать за тобой. Под «ухаживать», – он наполнил мой бокал, – имеется в виду все, что касается обеспечения твоего комфорта.

Юрао взглянул на меня, на Эллохара, но промолчал и, повернувшись к своему соседу – почтенному гному, начал с воодушевлением обсуждать какой-то семипроцентный банковский вклад.

Поднялся один из семи приглашенных старейшин, пожелал молодым достатка, за этот тост выпили стоя, а едва сели, магистр продолжил:

– Ты совершенно не умеешь танцевать. Но проблема даже не в умении – в движениях, ты скована настолько, что это привлекает внимание. Тебе необходимы уроки танцев.

Подали маринованное мясо в грибном соусе – вкусное наверное, и аромат был восхитительный, а есть… есть почему-то уже не хотелось.

– И да, – лорд Эллохар взял блюдо, самолично переложил несколько кусочков мяса в мою тарелку, – еще одно правило – при дворе не позволяй никому обращаться к тебе на «ты», это признак того, что ты допускаешь человека в свой второй круг.

– Лорд Эллохар, я не темная леди, – тихо напомнила ему.

– Это не означает, что ты личность второго сорта, – мрачно сообщили мне.

С этим спорить было сложно.

Вновь появились подавальщики, наполняя бокалы уже заметно подвыпивших гостей – ко мне даже не рискнули приблизиться. Эллохар молча налил мне сок, затем, возвращая кувшин на место, небрежно заметил:

– Ты очень бледная.

– Вы рядом.

Магистр не ответил. Прозвучал следующий тост, в котором одна почтенная гнома пожелала молодым… благосостояния, принесли новое блюдо – салат из лесной зелени с лесными же орешками, но едва подавальщики отошли, лорд Эллохар вдруг протянул руку, схватился за ножку моего стула и без усилий придвинул меня со стулом к себе. Даже Юрао застыл от такой наглости, а магистр переставил мои столовые приборы ближе ко мне и невозмутимо спросил:

– Ты поняла, что произошло с Тесме?

Вопрос оказался неожиданным, но что такое вопрос в сравнении с поведением?!

– Магистр, верните мой стул назад, – нервно попросила я.

Последовал злой ответ:

– Нет.

Юрао поднялся, подошел ко мне, наклонился и спросил:

– Тебе в академию не пора? Завтра вставать рано.

– Пора, – не скрывая радости, подскочила с места.

– Здорово. Идем, провожу. Перед Ойоко за тебя извинюсь. – Партнер при этом почему-то выразительно смотрел на лорда Эллохара.

Мы покинули ресторацию особо никем и не замеченные. На пороге Юрао свистнул, подзывая Нурха, и едва кентавр подъехал, дроу помог мне сесть в повозку, сам подошел к вознице, что-то ему сказал, а после долго стоял на пороге и махал мне рукой, пока Нурх, все ускоряясь, вез меня в противоположном от Академии Проклятий направлении.

Покружив по городу, Нурх вдруг набрал свою запредельную скорость и помчал меня по главной дороге. Спустя головокружительное, но очень непродолжительное время мы оказались у ворот академии.

– Госпожа Риате, вы там как?

– Нурх, вы очень быстрый, – призналась я, пережидая, пока голова кружиться перестанет.

– Тем и живем, – весело ответил кентавр.

Я вышла из повозки, пожелала вознице «Всего кошмарного», направилась к воротам и,

лишь когда взялась за кольцо на калитке, поняла, что здесь что-то не так. Что-то совсем не так!

– Нурх! – вскрикнула я, обернувшись.

Но увидела перед собой высокую каменную стену.

– Иллюзии – первый дар, которым я овладел, – послышался чуть насмешливый голос магистра Эллохара.

Я очень медленно повернулась на голос – как выяснилось, привез меня Нурх никак не к академии, мы были в южной части Ардама, по крайней мере, цветущие персики, как и очень дорогие съемные коттеджи, находились именно здесь. А еще я вдруг поняла одну вещь – мне больше ничуть не жаль лорда Даррэна Эллохара.

– Вы что, издеваетесь? – чувствуя, что начинаю срываться, спросила я.

Магистр сидел за круглым столиком, напротив имелось пустое кресло, видимо, для меня. Столик находился под сияющим деревом, озаряющим все вокруг мягким розовым светом – еще одно порождение Хаоса, и тоже безумно дорогое. А на столике располагались бутылка и два бокала. И это вино… золотистый цвет я уже видела.

– Я просил пообедать со мной, – четко проговаривая каждое слово, произнес Эллохар.

На мгновение закрыла глаза, тяжело вздохнула, а затем, глядя на лорда, уверенно, а главное, вплетая энергию во все четыре сопутствующих потока, произнесла сложное, но крайне действенное:

– Эрвено эсшаа каве энторхагэр!

Мой голос разнесся по саду и смолк, поглощенный пением ночных птиц, цикад, урчанием далекой нежити. Порыв ветра подхватил лепестки соцветий, и в какое-то сказочное мгновение на нас словно падал цветочный снег…

Но это не радовало, ничего уже не радовало.

– Проклятие четвертого уровня «Холод», – слишком спокойно относительно данной ситуации произнесла я, – блокирует любые проявления эмоций. Я использовала четыре потока из восьми – до утра вы не будете чувствовать практически ничего.

Магистр сидел и мрачно смотрел на меня.

Затем с усмешкой спросил:

– Как и ты?

– Откат есть практически всегда, – была вынуждена признать. – Полностью избежать его удается только при произнесении проклятий первого уровня, но «Холод» к ним не относится.

Меня бы удивил следующий вопрос Эллохара, если бы в данный момент я могла удивляться:

– И что будет, если станет известно, что адептка использовала проклятие?

– Меня отчислят. – В этом состоянии мне даже подобное оказалось безразлично.

Чуть вздернутая бровь, а потом усталое:

– Нет у тебя совести, Риате.

Я прошла к столику, села в ожидающее меня кресло и спокойно ответила:

– С вами о ней приходится забывать, как и о правилах приличия.

– Как тогда, когда заперла меня в конторе? – Усмешка, но скорее над собой.

– Да.

Проклятие было крайне неприятным, и теперь меня все сильнее сковывал холод безразличия. Безразличным становилось все – сад, ветерок, ночь, магистр Эллохар, мое здесь

нахождение.

– Подло, Дэя, – лорд Эллохар скрестил руки на груди, – ты ведь прекрасно осознавала, что мне подавить проклятие труда не составит.

– Но откат подавить невозможно, – безразлично напомнила я.

– В курсе.

Мы помолчали, затем, чуть подавшись вперед, магистр вдруг спросил:

– Ты сказала «я использовала четыре потока из восьми», а если бы использовала все восемь?

– Воздействие продолжалось бы сутки. – Так странно практически ничего не чувствовать, совсем…

– Да? Хм… а если с той формулой закрепителя?

Представила. В моем состоянии размышлять было просто, и, мысленно разложив схему проклятия на составляющие, я рассчитала потоки и спустя несколько минут ответила:

– Более четырех суток.

Лорд Эллохар задумался, постукивая пальцем по поверхности столика. Судя по всему, проклятие он уже подавил и успешно, мне оставалось лишь позавидовать.

– Еще вопрос, следы данного проклятия можно обнаружить у… высшего лорда?

– Нет, – я ответила сразу, затем пояснила: – Глаза темных фактически не обладают влагой, признаки обнаружить соответственно практически нереально, если не знать, что искать.

– Вот как? – на меня с интересом посмотрели. – Когда вернутся твои эмоции?

– К рассвету.

Сверкнула улыбка лорда Эллохара, и практически мгновенно вспыхнуло синее пламя.

* * *

Это было странное место – яркое освещение, белоснежная каменная кладка с вкраплением оникса, что прямо указывало на бесполезность произнесения проклятий, и капельки алой крови с темным отливом. Правда, мне была доступна лишь часть стены, остальное увидеть не позволил лорд Эллохар, удерживая за плечи и не давая возможности повернуться.

– Я же просил не усердствовать! – прозвучал злой голос магистра.

– Просили, но…

Испуганные оправдания Эллохар оборвал язвительным:

– Вы же знаете, как я «люблю», когда мои просьбы игнорируются. У вас минута.

Забавно, мне даже не было любопытно, что там происходило за эту минуту. Я стояла и равнодушно смотрела на стену.

– Такая ты мне не нравишься, – вдруг произнес Эллохар.

– Мне все равно, – безразлично ответила.

Прошло указанное магистром время, и директор Школы Искусства Смерти развернул меня к присутствующим. В ярко освещенном каменном мешке присутствовали шесть адептов Смерти, два лорда с нашивками тайного сыска и один обнаженный до пояса, прикованный к стене лорд из человеческой аристократии.

Внезапно я ощутила руки Эллохара на талии, и его губы, скользнувшие от моего виска

вниз, затем прозвучало чуть хриплое:

– Когда Тьер берет след, уйти от него практически невозможно, вот и эта мерзкая гадина уйти не смогла. Посмотри на лорда внимательно, Дэя, именно он передал сведения о том, где и с кем будет встречаться Тьер. Помнишь таверну, полную умертвий?

Я кивнула.

– Ты имеешь возможность видеть того, кто виновен в гибели тридцати восьми ни в чем не повинных граждан империи. Вопросы?

– Один: вы еще долго будете дышать в мое ухо? Неприятно.

Меня медленно отпустили. Стало полегче, и я смогла задать второй вопрос:

– Вы привели меня сюда посмотреть в глаза «мерзкой гадине»?

– Риате, ты меня пугаешь, – тихо признался магистр.

– Откат, – лаконично ответила я. – Так зачем?

– Перенес?

– Да.

Забавно, что присутствующие переводили взгляд с меня на лорда Эллохара по мере того, как мы говорили, словно следили за перекидываемым мячиком.

– Проклятая Бездна, – пробормотал магистр. Затем не мне: – Кейсар, объясни, я с ней такой не могу разговаривать.

Порыв ветра за спиной – лорд Эллохар направился к выходу. Вслед ему понесся сдержанный вопрос:

– Насколько я могу быть откровенен?

– Абсолютно, – не оборачиваясь, ответил директор Школы Искусства Смерти. – Риате обладает абсолютным доверием, как моим, так и лорда Тьера.

Равнодушно добавляю:

– Именно поэтому узнаёт обо всем последней и исключительно собственными стараниями.

Магистр остановился. Шумно выдохнул, развернулся, и в пыточной, а это была она, прозвучал вопрос:

– В чем дело, Дэя?

– Вам краткий список причин моего состояния или полный? – безразлично поинтересовалась я.

И магистр остался. Мрачно посмотрел на меня, затем кивнул тому высокому и темнокожему полудроу, которого назвал Кейсаром.

– Госпожа Риате, – начал тот, делая шаг ко мне.

Развернувшись к лорду, я задумчиво произнесла:

– Дроу. – Потом добавила: – А любовниц сколько?

Темная кожа полукровки приобрела серый оттенок, но он почему-то мне ответил:

– Девять.

– А-а-а… – равнодушно протянула я. – Магия Исключительной Правды.

– Да, – подтвердил Кейсар.

– Личных вопросов более не последует, – извинилась адептка Академии Проклятий.

– Премного благодарен, – не солгал полудроу.

Не солгал, потому что не мог. Здесь никто не мог лгать, разве что магистр Эллохар – в его крови имелся огонь, все остальные находились под влиянием магии Исключительной Правды. Но тех, кто допрашивал, это не смущало, а вот допрашиваемый… Я медленно, через

весь зал, подошла к тому, кто безразлично висел на цепях.

Безразлично, безучастно и равнодушно. Как знакомо…

– Холодно? – напрямую спросила.

Лорд окинул меня индифферентным взглядом и ответил:

– Да.

Меня тоже морозило. Но в районе груди холод ощущался значительно отчетливее. И подойдя вплотную к прикованному лорду, я протянула руку, приложила ладонь к его плечу…

– Неприятно, – сообщил он.

– Мне тоже, – равнодушно ответила я.

Кожа на плече была прохладной. Затем, с неприязнью касаясь заключенного, я разместила ладонь на его груди – здесь кожа казалась ледяной.

Догадка скупо озарила мое сознание, и я потянулась к одежде скованного лорда, точнее, к брюкам, остального одеяния на нем не имелось.

– Дэя! – прозвучал гневный окрик Эллохара.

– Допустим, – меланхолично ответила.

Ремень на брюках лорда расстегивался с трудом.

– Дэя, прекрати немедленно! – За словами последовал звук стремительно приближающихся шагов.

– Магистр, я не ваша невеста, прекратите беспокоиться о моем моральном облике. – Слова срывались легко, о значении я практически не задумывалась.

Но цели реплика достигла – Эллохар остался стоять там, где до него дошел смысл сказанного – примерно в семи шагах от меня. Рванула ремень непослушными пальцами, но едва удалось расстегнуть, начала действовать осторожнее, опасаясь повредить то, что здесь могло находиться. И едва сняла широкое кожаное изделие – нашла.

– Лорд Эллохар, хватит стоять памятником оскорбленного достоинства – вот подтверждение вашей догадки.

Черная, едва приметная плесень следовала по строчке петли для ремня. Но еще до того, как я достала кристалл-увеличитель, еще до того, как лорд Кейсар взволнованно произнес: «Нужен проклятийник, срочно!», я уже точно знала, что это.

– «Стынь».

Достала кристалл, рассмотрела черные споры и подтвердила:

– Да. Восьмой уровень, отсроченное действие, воздействие не только на эмоции, но также на общее физическое состояние. Блокирует боль, голод, физиологические потребности.

За моей спиной раздался мрачный вопрос:

– Время действия с формулой катализатора?

Здесь рассчитать было сложнее – двенадцать потоков. Развернувшись, я прошла к столу, села, не спрашивая ни у кого позволения. Сдвинула в сторону протоколы допроса, нашла чистый лист. Минут двадцать рассчитывала формулу. Работать оказалось невероятно легко, даже не подозревала, что отсутствие эмоций позволяет так быстро находить решение задачи. В итоге я смогла дать практически точный ответ:

– Время воздействия с учетом катализатора – восемь полных суток. Затем проклятие налагается повторно. Как минимум цикл повторялся дважды.

Тишина. Оглушительная какая-то, после все тот же полудроу тихо озвучил имя:

– Лорд Алсэр.

Перед глазами вспыхнула картинка из недавнего прошлого – личные покои императора, синеглазый лорд, зажавший в руке мое кольцо. Вдруг стало неприятно, некомфортно от какого-то несоответствия, и я, задумчиво глядя на вычерченную формулу, уверенно сказала:

– Сомневаюсь, что он.

Тишина, затем вновь Кейсар:

– Дважды, с интервалом в восемь дней, его вызывал на допрос лорд Алсэр. Вызывал к себе. Здесь наложить проклятие невозможно…

– Знаю. Оникс, – прервала я объяснения.

Подошел магистр, как и я, всмотрелся в исчерченный лист и спросил:

– Почему ты так уверена, что не он?

Я вспомнила темнокожего лорда с ярко-синими глазами и жуткой улыбкой, приоткрывающей горящий в его рту огонь, и сомнений не осталось.

– Слишком много силы, – поднимаясь, ответила магистру Эллохару. – Алсэр не привык сдерживать свой огонь. – Да, никогда не забуду огненную улыбку. – А в наложении проклятий этой группы требуется филигранное управление потоком магии. Относительно «Стыни» – это правило строго соблюдается, сильный маг, особенно огненный лорд, с подобной задачей не справится.

И вновь стало тихо. Так, что казалось, я слышу собственное спокойное дыхание, а затем прозвучало странное:

– Да простит меня Тьер.

Вспыхнуло темно-синее пламя.

* * *

Рев пламени был оглушающим. Огонь ревел, затем взревел втрое громче, а едва языки пламени угасли, послышался не менее оглушающий вопль:

– Эллохар, пожри тебя Бездна, это моя спальня!

Мне, вновь стоящей спиной к событиям, было как-то все равно, где мы и чья это спальня, не вызвала любопытства даже фраза:

– Трое? Алсэр, ты себя явно переоцениваешь.

И разъяренное восклицание хозяина помещения:

– Вон.

Сказано это было не нам, потому как мы остались, а кто-то ушел. Затем послышалось шуршание материи и раздраженное:

– За какой Бездной ты приволок человечку Тьера?

– Надо же, ты ее со спины узнал, – ехидно протянул магистр.

И меня развернули. Безразлично обозреваю оформленную в золотых тонах роскошную спальню, с внушительной, больше, чем у Риана, кроватью… Разобранной и измятой. Вокруг ложа в беспорядке лежали детали одежды. Перед постелью стоял сам лорд Алсэр в длинном темно-синем халате.

– Темных вам. – Безразличие не предполагает отсутствия вежливости.

– И вам кошмарных, очаровательная леди Риате, – сквозь зубы прошипел лорд.

Эллохар за моей спиной хмыкнул и произнес:

– Повежливее, моя прелесть только что спасла тебя от обвинения в измене, Алсэр.

И выражение лица лорда изменилось мгновенно.

– Вопрос, Алсэр: кто присутствовал при допросе Браоса?

Секундное замешательство, затем неуверенный ответ:

– Мой брат.

Не знаю, какое выражение лица было в тот момент у магистра, но Алсэр торопливо пояснил:

– Дело государственной важности, Эллохар, это уровень, на который допускаются только свои. Естественно, посторонних на допросах не присутствовало.

Но, не принимая его пояснения, магистр задал лишь один вопрос:

– Где он?

Алсэр хмыкнул, неодобрительно покачал головой и произнес:

– Это бред, Эллохар. Бред по всем статьям. К тому же, ты не сможешь перенестись в Харван, это родовой замок, магия только рода…

Вспыхнуло темно-синее пламя с фиолетовыми всполохами.

Мне было совершенно все равно, какой у него цвет, хотя я точно помнила – огонь Эллохара чистого светло-синего оттенка. А вот Алсэра цвет возмутил:

– Да за какой Бездной, Эллохар?! Это… это…

Когда огонь охватил нас, магистр обнял вновь, затем я услышала его задумчивое:

– Как ты думаешь, младшие братья мечтают занять положение наследника рода?

– К чему вопрос? – равнодушно спросила я, глядя на лорда Алсэра, который переносился вместе с нами.

– У Тесме нет семьи, его самая большая любовь – Смертельные проклятия, зацепить нечем, но они нашли то, что Тесме оценил больше собственной совести и чести – утраченное, – лорд Эллохар усмехнулся, – его единственной слабостью оказалось желание вернуть магию. И они использовали этот козырь. А чем могли зацепить Вэла Алсэра?

И я была вынуждена признать – Эллохар, вполне возможно, прав.

Лорд Алсэр пришел к тем же выводам:

– Возможно, ты прав, – его голос в усиливающемся реве пламени звучал глухо. – Северная башня, четвертый наземный уровень. – И тут же ехидно добавил: – Впрочем, если ты столь успешно пользуешься магией моего рода, можешь переместить на второй подземный.

– Легко, – насмешливо отозвался магистр.

Судя по выражению Алсэра, факт использования Эллохаром собственно родовой алсэровской магии бесил его значительно больше, чем факт возможного предательства собственного брата.

– Вопрос, – внезапно прорычал лорд, – два года назад, в моем городском доме, моя любовница…

– Не будем при Дэе, – оборвал его на полуслове магистр.

Но у лорда Алсэра заметно задергался глаз, руки сжались в кулаки, изо рта пошел дымок…

– Ты же все равно завел себе другую, – примирительно-издевательский тон, – даже трех. Так что оставим прошлое в прошлом.

– Ты!..

– Алсэр, не при Дэе, – и сказано это было ледяным тоном.

На лорда подействовало, мне же было все равно, о чем я и сообщила:

– Продолжайте, лично мне абсолютно безразлично, кто у кого увел любовницу.

Оба умолкли. Затем Алсэр осторожно поинтересовался:

– Что с ней?

Так как мне было индифферентно, что вопрос задавался не мне, я ответила:

– Последствия отката после проклятия «Холод». Это четвертый уровень. Нечто подобное, но восьмого уровня, а именно проклятие «Стынь», предположительно использовал ваш брат в отношении допрашиваемой «мерзкой гадины».

– Откат от проклятия? – переспросил потрясенный Алсэр.

– Да. Вынужденная мера в условиях…

Договорить мне не позволил лорд Эллохар, просто накрыв рот ладонью. На изумленный взгляд Алсэра он ответил:

– Мелочи, знаешь ли, – а мне раздраженно: – Дэя, радость моя, помолчи, будь столь любезна.

Я безразлично пожала плечами. Ладонь убрали.

– Да как скажете, магистр, – безэмоционально произнесла. – Но я думала, лорду Алсэру будет интересно узнать, что вы повышаете квалификацию и теперь предпочитаете воровать чужих невест, а не только любовниц.

Тихий стон за моей спиной.

Пошловато-ехидная ухмылочка лорда Алсэра и его тихое:

– Ну кто бы мог подумать…

– Откат от проклятия, – прошипел лорд Эллохар, – просто откат от проклятия!

– Да? – безучастно поинтересовалась я. – Тогда прекратите меня постоянно трогать. Неприятно.

В следующее мгновение меня стремительно развернули, магистр склонился к моему лицу и прорычал:

– Мне к приятным вещам перейти, прелесть моя?!

Пожав плечами, безразлично ответила:

– Мне в данный момент все равно, конечно, но прокляну.

– Что?

– Исключительно из любви к науке, – про себя подумала, что к науке любовь осталась, забавно.

Резко выдохнув, лорд Эллохар задержал дыхание, видимо, успокаиваясь, затем, почти умоляя, произнес:

– Никогда… Никогда больше не используй это проклятие, Дэя!

Молчание в состоянии абсолютного равнодушия почему-то покинуло перечень моих достоинств, и я ответила:

– Никогда… Никогда больше не взваливайте на меня груз ответственности за ваши чувства, магистр Эллохар. Мне, во-первых, неприятно, во-вторых – прокляну.

В этот миг ноги ощутили твердую поверхность, а огонь начал стремительно угасать.

– Как у вас все… сложно, – издеваясь, протянул лорд Алсэр.

Проигнорировав его присутствие, лорд Эллохар, едва сдерживаясь, прошипел:

– Риате…

– Давите авторитетом, магистр, – констатировала я.

– О-о-о, начинаю понимать симпатии Тьера, – насмешливо сообщил Алсэр.

Мне было абсолютно все равно, понимает он их или нет, и разгневанное выражение на

лице лорда Эллохара также не заботило.

Купить полную версию книги